

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

МАТРОССКАЯ ТИШИНА

Иван Лазутин

Сделано в СССР. Любимый детектив

Иван Лазутин

Матросская Тишина

«ВЕЧЕ»

1994

Лазутин И. Г.

Матросская Тишина / И. Г. Лазутин — «ВЕЧЕ»,
1994 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7553-5

Роман известного писателя Ивана Георгиевича Лазутина (1923–2010) «Матросская Тишина» продолжает тему борьбы с преступностью, начатую автором еще в 1950-х годах в популярной повести «Сержант милиции». Укрепление законности и правопорядка, становление характера подрастающего поколения, воспитание храбрости, мужества, честности – эти проблемы отражены в романе остро и бескомпромиссно. Интригующий, динамичный сюжет делает его необычайно интересным для любителей детективного жанра.

ISBN 978-5-4484-7553-5

© Лазутин И. Г., 1994

© ВЕЧЕ, 1994

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Глава вторая	21
Глава третья	26
Глава четвертая	40
Глава пятая	45
Глава шестая	54
Глава седьмая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иван Лазутин

Матросская Тишина

Пролог

Бывает в утреннем пробуждении такая полоса, в которой, как в знойном мареве, еще дрожат и колеблются волны только что отлетевших сновидений, и с каждой минутой все четче и четче проступают реальные звуки и зримые очертания наступающей яви. Такое состояние Вероника испытывала всегда, когда просыпалась не под треск будильника, стоявшего на журнальном столике, рядом с диваном, а по воскресеньям, когда не надо спешить на лекции и, выпавшись, можно еще с полчаса понежиться в постели и мысленно не спеша связать нить прожитого дня с днем наступающим.

А прожитый день и особенно ночь («Ох, эта ночь... Лучше бы ее никогда не было», – со страхом подумала Вероника) были бурными, они свалились на нее такими, какими ей было даже трудно определить. Что это: счастливый дар судьбы или печать проклятия?

Неделю назад она вынула из почтового ящика письмо от Сергея, прочитала его несколько раз, закрыв глаза, замирала и, вспоминая прежние письма от него, старалась вообразить тот безлюдный каменный остров в Тихом океане, на котором он служит.

А вчера вечером... «Лучше бы никогда не было этого вечера!» – с душевной горечью подумала Вероника. Вечером неожиданно позвонил Игорь Туровский. Он звонил с Ленинградского вокзала и сказал, что около месяца провел на съемках в «Ленфильме», что чертовски устал, что если он не повидает ее сегодня же, то умрет от одиночества, и вообще все дни пребывания в Ленинграде он думал только о ней.

«И зачем я сказала, приезжай, что я одна и тоже умираю от скуки, что родители с июля в длительной командировке, а бабушка три дня назад с аппендицитом угодила в больницу...»

Игорь приехал через час после звонка. Вероника даже не успела как следует прибраться в квартире. Последний раз она видела его год назад, в тот день, когда он сдал экзамен по актерскому мастерству и получил высокую похвалу народного артиста Сугробова. Игорь приехал вместе с Сергеем. На нем была модная голубая куртка с множеством застёжек-«молний», весь он светился счастьем от успешно сданного экзамена и от того, что его, студента ВГИКа, уже пригласили на пробные съемки в фильме, который будет снимать известный режиссер-постановщик Гараев.

И вот теперь, спустя год после той последней встречи, Игорь уже снимается в двухсерийном фильме Гараева. Картинно и броско сидела на нем все та же модная голубая куртка.

Бутылка коньяка и коробка конфет, которые он вытащил из портфеля и с каким-то особым, почти гусарским шиком поставил на стол в гостиной, вначале Веронику смутили и даже испугали, посеяв в душе ее предчувствие чего-то недоброго, необязательного, но это была всего какая-то минута. Игорь и раньше умел подавлять ее волю и, зная, что он ей нравится, вел себя с ней всегда свободно и независимо, не подпуская близко и не отпугивая. А Вероника давно знала, что он безнадежно влюблен в Светлану Былинкину, которая, словно по закону подлости, сохла по Олегу Кемарскому, а поэтому не смела переступить ту грань, когда неразделенная любовь приносит одни только страдания. Таких несчастных в народе жалеют, над ними вздыхают и огорчаются, что помочь ничем не могут.

Подробности вчерашней встречи проплывали в сознании Вероники в мельчайших деталях. Лежа с закрытыми глазами, забыв о письме Сергея, она еще раз, уже по второму кругу, мысленно испытывала наслаждение от того, что было потом, когда они, чокнувшись с Игорем («За встречу!...»), выпили по первой рюмке коньяка. Нет, никогда у нее так не кружилась

голова, когда ее целовал Сергей. Впервые в жизни она почувствовала саморастворение и невестомость, когда Игорь, словно демонстрируя силу и огонь молодости, носил ее на руках и о чем-то говорил, говорил... В чем-то убеждал ее, доказывал что-то, целовал щеки, губы, волосы...

А потом... «О господи, зачем было это «потом»?! – пронеслось в сознании Вероники сожаление, которое она тут же поспешно подавила в себе. Нет!.. Нет, это должно случиться!.. Я этого хотела еще до Сергея, хотела тогда, когда еще не знала, как это бывает...»

Но тут же, как неожиданный просверк молнии, обожгла ее мозг мысль, когда она вспомнила, что ждет ребенка от Сергея, что неделю назад врачи сказали: с абортом она уже опоздала.

Перед глазами предстало лицо Сергея. Она увидела его таким, каким оно было весной, когда она с Ярославского вокзала провожала его на службу в армию. Остриженный под машинку, он показался ей смешным и каким-то растерянным. Два чувства боролись в нем: желание не показывать тоску прощания и быть веселым, беспечным и сквозившая во всем его существе – в глазах, в жестах, в каждом слове – мольба о том, чтобы она ему верила и всегда помнила, как он любит ее, как дорога она ему, как ему будет все эти три года трудно без нее. Наступали минуты, когда Сергей забывал, что здесь, на перроне, с него не сводит своих заплаканных глаз мать, он совсем не замечал младшую сестренку, которая прижималась к нему своим худеньким тельцем... Он видел только Веронику, смотрел только в ее глаза, словно пытаясь взглядом перелить в ее душу нежность и горечь, которые жгли его и томили в этот час прощания.

Вероника открыла глаза и сладко потянулась. Взгляд ее упал на журнальный столик. На нем стояла пустая бутылка, в которую Игорь зачем-то воткнул увядшую розу. На спинке кресла висела его голубая куртка с множеством застёжек. Только теперь Вероника вспомнила, что, уходя, Игорь наспех поцеловал ее, полусонную, надел плащ и сказал, что в десять часов он должен проводить в аэропорт родителей, улетающих в Сочи, и что вернется поздно вечером.

И снова муки раскаяния, сплетаясь с чувствами недавно пережитого душевного и телесного ощущения, теснили ее ум и душу, забирали силы, и она пыталась отогнать от себя первое, чтобы полностью дать завладеть собой второму. И тут же, словно удар хлыста, обожгла злая мысль: «Кающаяся Магдалина...» Но самоукор этот был захлестнут волной оправдания: «Чего скулишь?.. Что сделано, то сделано. А между мной и Сергеем одиннадцать тысяч километров...»

Через балконное окно четвертого этажа, выходящее в заросший старыми липами двор, были видны еще не успевшие опасть желтые листья, которые в лучах солнца золотились как-то особенно ярко и возбуждали в душе Вероники необъяснимое желание, чтобы налетевший на деревья вихрь сорвал их, закрутил воронкой и с силой внес через балконную дверь в гостиную. «Чему быть суждено, то сбылось: родители зарабатывают деньги в далекой Индии, бабушка только что освободилась от своего аппендикса, Игоря сама судьба принесла».

Придвинув к себе кресло, на котором висела куртка Игоря, она нежно, как маленькие дети гладят котят, погладила рукав куртки, и рука как бы сама собой, движимая чисто женским любопытством, нырнула в нагрудный карман и вытащила записную книжку. Ее уже изрядно потертые страницы были испещрены адресами и номерами телефонов. Раскрыла книжку на букву «В», где полагала найти свое имя и номер телефона. И не ошиблась. Где-то внизу засаленной страницы с потеками последних двух цифр стоял ее номер телефона. Кольнула ревнивая мысль: «Интересно, с кого он начинает букву «С»?»

Предположение Вероники подтвердилось. Страница на букву «С» начиналась с номера телефона Светланы Былинкиной. И тут же, на этой же странице записной книжки, была вложена записка. Вероника развернула ее и прочитала: «Из Гагры. Рейс 1361, в 10. 30. Цветы. Коньяк...»

Закрыв глаза, Вероника некоторое время лежала неподвижно, затаив дыхание и чувствуя, как сердце в ее груди сделало мягкий зыбистый перебой, который тут же отдался напористым

приливом где-то у горла слева. Вспомнила, что еще вчера вечером Игорь чертыхнулся и сказал, что завтра ему нужно обязательно встретиться с автором киносценария, чтобы согласовать кое-какие текстуальные поправки в сценарии, предложенные режиссером-постановщиком фильма, в котором Игорь играл роль агента крупной торговой фирмы иностранного государства. Расхаживая по гостиной, он замирал посреди комнаты и, словно обращаясь к кому-то третьему, кого не было в комнате, запальчиво говорил:

– Ты понимаешь, Вероника, роль меня так захватила, так закрутила, что временами мне кажется, что я не гражданин СССР, а масштабный бизнесмен Соединенных Штатов Америки!.. Как мне теперь понятен великий итальянский трагик Росси, когда он, играя роль Отелло, чуть не задушил на сцене молоденькую в те годы Яблочкину. Она играла Дездемону. Хорошо, что вовремя дали занавес. Только теперь я по-настоящему понял, что искусство – это огненная лава и в этой лаве можно сгореть... Да, да, можно сгореть!.. И сгорали...

Вероника еще раз пробежала глазами записку, вложенную в книжку. В ней каждое слово, каждый знак вставляли зримыми картинками предстоящей встречи Светланы с Игорем, который всего несколько часов назад, когда она, словно бы между прочим, спросила: «Ну как, твой «Огонь Везувия» к Светлане до сих пор не остыл?» – громко расхохотался и, поперхнувшись дымом сигареты, некоторое время тер глаза, а потом налил в бокал боржомом и глубокомысленно задумался. И только когда выпил воду, театрально подчеркнуто произнес:

– Кажется, еще Гераклит Эфесский сказал: «Нельзя в одну и ту же реку войти дважды».

После этого ответа Игоря со ссылкой на афоризм древнегреческого философа Вероника вспомнила одну дружескую школьную вечеринку, на которой кто-то из соклассников раздал всем анкету с двадцатью вопросами, заданными Карлу Марксу его дочерьми Женни и Лаурой. Один из вопросов в анкете был: «Ваш любимый литературный герой?» Вероника в этом пункте анкеты написала: «Татьяна Ларина». Сергей в графе этой поставил: «Андрей Болконский». Когда стали читать заполненную анкету Игоря и огласили его ответ на этот вопрос, то все бурно захлопали в ладоши, загалдели, зашумели... Игорь в ней написал: «Жорж Дюруа из «Милого друга» Мопассана». «Какой откровенный циник, – подумала Вероника. – Он весь соткан из подлости».

Стараясь понять, правду ли Игорь говорит, прикрывшись афоризмом Гераклита, Вероника решила по адресу Светланы пройти насмешкой, чтобы увидеть, как на этот ее резкий выпад отреагирует Игорь.

– Нельзя дважды ступить в текущую речку. А в стоячую лужу можно ступать тысячу раз.

Игорь расхохотался. Слова Вероники ему показались остроумными, он даже попытался развить ее мысль.

– Ты права, Вероника. Когда-то я считал, что Светлана чище родников в Загорской лавре. И теперь... – Игорь замолк и грустно вздохнул, ввинчивая в пепельницу горящую сигарету.

– Что теперь? – Ревниво вглядываясь в лицо Игоря, Вероника ждала, что он скажет на это.

– Родники прозрачные и чистые, как и великая река Волга, мутнеют, загрязняются и становятся негодными для питья... – И чтобы оборвать разговор о Светлане, Игорь решительно, почти рывком распахнул на балкон стеклянную дверь и, впусив в гостиную волну терпкой осенней свежести, подошел к столу, налил в рюмки коньяк и чокнулся с Вероникой. – Мне с тобой хорошо. Выпьем за то, чтобы людям было хорошо друг с другом. А там, как говорят у нас на Руси, посмотрим.

После второй рюмки коньяка Вероника почувствовала, что опьянела, а поэтому расслабленно рухнула на диван и, сложив на груди руки, закрыла глаза.

Это было вчера вечером... После вечера была ночь... И вот эта записка в телефонном блокноте.

«Какой низкий лгун!.. Чем же ты, голубушка, чище той стоячей лужи, с которой ты сравнивала Светлану?.. Причем сравнивала бездоказательно, злобно, чтобы хоть как-нибудь очернить ту, кто, как тебе всегда казалось, стояла на твоём пути к сердцу Игоря. Подло... Гадко...»

И снова в её сознании всплыло лицо Сергея. Всплыло таким, каким она видела его, когда они однажды поссорились с Игорем. Это было три года назад. Они гостили у друга Игоря на даче в Абрамцеве, где ещё с тридцатых годов обосновались художники, академики, артисты... Друг Игоря (теперь она уже не помнит его имени) был хорошо знаком с сыном художника Павла Радимова, в своё время широко известного не только как талантливый живописец, но и как последний – после Ильи Репина – председатель товарищества художников-передвижников и основатель Ассоциации художников революционной России. На его огромном дачном участке с красивыми аллеями лип, кленов и белоствольных берёз действовала постоянная выставка, двери которой были открыты для всех, кто любит искусство. В летние месяцы, особенно в воскресные и субботные дни, на даче Радимова было паломничество приезжавших на выходные дни автотуристов и отдыхающих абрамцевского дома отдыха. В одно из таких теплых и солнечных воскресений сын Павла Радимова пригласил Игоря, Сергея и Веронику посмотреть картины знаменитого художника. Больше часа они любовались пейзажами то буйно зеленого, то утопающего в сугробах Подмосковья, то видами минаретов знойной Бухары, то безлюдными берегами раздольной Волги... После осмотра выставки, распрощавшись с сыном художника, они спустились через рощицу белоствольных берёз, растущих веселой молодой стайкой на откосе дачного участка, ярко освещенного солнцем, и решили выйти к речушке Воре через калитку запасного входа. И тут надо же случиться беде. Первым с дачного участка вышел Сергей и, не дождавшись, пока выйдут Игорь и Вероника, нечаянно захлопнул за собой калитку. Замок калитки был какой-то замысловатый: с зубчатым колесиком, скользящим рычажком и защелкой-фиксатором. И все было бы нормально, если бы не широко раскрытые в страхе глаза Сергея и его тревожный крик: «Быстрее!.. Собака!..» Испуганный взгляд Сергея скользил куда-то вдаль, через плечо Вероники. Как по опасной и грозной команде Игорь и Вероника повернулись, и их сковал ужас: с горы с басовито-львиным рыком неслась здоровенная дворняга. Несколько минут назад они видели её на цепи у будки и, сопровождаемые надсадным лаем, опасно обошли.

Может быть, и успела бы Вероника сдвинуть защелку калитки и крутануть зубчатое колесико замка, если бы сын художника час назад не рассказал им, что злее Буяна нет пса во всем Абрамцеве: в прошлом году он чуть не разорвал немецкую овчарку – спасибо, что вмешались люди с колями.

И сейчас Вероника помнит полные ужаса глаза Игоря, его пепельно-серое лицо. Не дожидаясь, пока Вероника откроет замок, гонимый ужасом и страхом, он в какие-то доли секунды перемахнул через ветхий забор, оставив её на растерзание разъяренного пса.

Инстинкт спасения выручил и Веронику. Когда Буян с волочащейся за ним цепью был от неё в каких-то восьми – десяти шагах, она оторвала от замка руки, прикинула грудью к калитке и, просунув руки между штакетинами, плотно прижалась к ней. Она не видела, как подскочивший к ней Буян рванул клыками её ногу. Дикая боль в икре правой ноги и что-то горячее, стрелнувшее вверх от раны, заставило её закричать. Краем глаза она видела, как пес стремительно отскочил от неё, пригибая голову, с рыком пробежался вдоль забора и снова, гремя цепью, кинулся к ней. Но не успел: с вырванной штакетиной в руках Сергей прямо с калитки прыгнул на пса и, наверное, испугал его. Но Буян успел вонзить свои клыки в бедро Сергея.

Неизвестно, чем бы закончился этот поединок разъяренного пса и двух безоружных и растерявшихся людей, если бы не сын Радимова, который с истошным криком «Буян!.. Буян!.. Ко мне!», с увесистой палкой в руке несся по тропинке с горки через березовую рощицу.

А минут десять спустя, когда на берегу Вори Сергей обмывал водой из родничка рану Вероники, Игорь, видя, как тот, ещё не в силах побороть дрожь в теле, перевязывал рану разо-

рванной на ленты белой рубашкой, – чтобы хоть как-то объяснить свою трусость, стараясь побороть еще не отпускающий его страх, не глядя на Сергея и на Веронику, как бы оправдываясь, сказал:

– У меня с детства патологический страх к змеям и собакам. – Видя, что Сергей, перетягивая икру Вероники, сделал вид, что не слышит его слов, он спросил: – А у тебя, Сережа, есть перед чем-нибудь врожденный, патологический страх?

– Есть! – сквозь зубы процедил Сергей.

– Перед чем? – словно обрадовавшись, спросил Игорь, и на лице его засветился луч надежды, что друзья простили его за недостойный для мужчины поступок: в опасную минуту он оставил в беде беззащитную девушку.

Сергей ответил не сразу. Он еще с минуту возился с повязкой на ноге Вероники. Потом поднял на Игоря глаза, полные осуждения и даже брезгливости.

– Да, у меня тоже есть один врожденный патологический страх.

– Перед чем? – теперь уже с верой, что он прощен другом, спросил Игорь.

– Перед трусом и предателем!

Эти слова, брошенные сквозь зубы, обожгли Игоря. Всю вторую половину воскресного дня пребывания в Абрамцеве эти два слова – «трус» и «предатель» – как бы впечатались в мозг Игоря. Об этом Вероника догадывалась не только по его лицу и по скользящему мимо Сергея взгляду, а особым чутьем тайно влюбленного человека улавливала, что Игорь мучается, что он сам для себя ищет объяснения своему позорному поступку.

Лежа в постели с закрытыми глазами, Вероника в мельчайших подробностях вспоминала тот злополучный солнечный день, проведенный в Абрамцеве, после которого они с Сергеем в течение месяца ездили в лечебницу, где им делали уколы против бешенства. И совсем не потому, что Буян был бешеной собакой; на этом настояла бабушка Вероники. А Сергей, пользуясь случаем быть чаще рядом с Вероникой, без всяких родительских настояний и врачебных предписаний прошел вместе с ней полный курс лечения.

И вот теперь эта ночь... «Зачем она?.. К чему она приведет?.. Что она мне дала?.. – мучила себя в раскаянии Вероника. – Ведь я уже жена Сергея... Но это чепуха... Скоро, месяца через три-четыре, он приедет в обещанный ему отпуск, и я буду смотреть ему в глаза как жена достойного мужа, как мать его ребенка...»

Вероника и раньше знала, что Игорь, несмотря на ее тайные вздохи и муки тоски по нему, всегда был к ней равнодушен, и всякий раз, когда был случай похвалить ее как хорошего, верного друга и компанейского товарища, он снисходительно улыбался и говорил: «Вероника?.. О!.. Это – «ШП»!.. С ней можно идти в разведку!..»

«ШП» на дружеском жаргоне у Игоря означало «Швой парень». Даже этим насмешливым «швой» вместо «свой» он лишний раз подчеркивал, что его и Веронику не соединяют и никогда не соединят нити душевных привязанностей, которые живут в душе любящих друг друга людей.

Даже в этом заштампованном в литературе и житейски-банальном выражении – «С ним можно идти в разведку», которое она не раз слышала из уст Игоря, когда он хотел снисходительно похвалить кого-то из своих друзей, сейчас, лежа в постели и перебирая в памяти свои прошлые встречи с Игорем, она видела неглубокого умом человека, позера, у которого всегда в запасе было несколько дежурных каламбуров или пошловатых шуток, претендующих на остроумие.

И все-таки... Все-таки она Игоря любила. Любила безответно, мучительно, и всякий раз, выискивая в своем сознании отрицательные черты его характера, его поведения, его мыслей, чтобы как-то пригасить уже много лет не потухающий в ее душе костер, она ловила себя на мысли, что хочет быть с ним рядом.

...И вот эта близость наступила. Близость самая крайняя, самая последняя, за которой – надежда соединить две судьбы в один узел, или сгореть, превратившись в пепел, или, гордо подняв голову, набрать силу для грядущей победы. Теперь же, после записки в блокноте, Вероника поняла, что Игорь всеми силами рвется к Светлане Былинкиной, что ночь, проведенная с ней, была всего-навсего любовным эпизодом юного красавца, на котором останавливают взгляд женщины. И еще одно уловила Вероника в поведении Игоря: было в его близости с ней некое тайное торжество победы над Сергеем, которому он во многом завидовал раньше и которому не мог простить его превосходства в силе душевной и физической. Ведь не зря же, как-то особенно победно ухмыльнувшись, спросил он у нее, обессилевшей от ласки и близости: не жалеет ли она, что изменила Сергею. И Вероника, не в силах сдержать слезы счастья, испытывая всем телом блаженное состояние невесомости, как на исповеди, словно она давно ждала этого вопроса, ответила:

– С тобой рядом я ни о чем не жалею...

В ту минуту она сказала правду. А вот сейчас... Какая-то холодная, сырая мгла темной тучей навалилась ей на сердце. Перед глазами стоял Сергей: светлый, чистый, преданный до конца, навсегда ее.

От этой веры в Сергея на душу повеяло освежающим теплым ветром просветления и надежды, что еще не все в жизни потеряно. И рядом с этим просветлением и надеждой вспыхнуло в душе Вероники острое и болезненное желание чем-то отомстить Игорю. И отомстить немедленно, отомстить любой ценой, пусть даже эта месть будет стоить трудов и не составит ей чести. Но как?... Как отомстить всесильному в ее глазах Игорю — она не знала. Разве лишь посорить их со Светланой? Позвонить ей вечером и сказать, что сегодняшнюю ночь Игорь провел у нее и пусть она срочно приедет к ней и заберет его серебряный портсигар и модную заморскую куртку.

Представив, какой удар она может нанести Игорю этим телефонным звонком, Вероника уже злорадно ликовала, заранее испытывая торжествующее чувство отмщения.

Уж так, видно, устроен человек: он радуется, когда делает добро совершенно случайному прохожему, выручая его из беды, и внутренне ликует, причиняя нестерпимую боль некогда дорогому и близкому человеку, предавшему его самые светлые и чистые чувства. Сила отмщения – страшная сила, которая не иссякнет до тех пор, пока будет жить на земле человек.

Вероника протянула руку, взяла с журнального столика серебряный портсигар, раскрыла его. Он был пустой.

Выгравированный вензель монограммы «К. Т.», исполненный замысловатой вязью на крышке портсигара, вчера вечером ей показался изумительно красивым. Игорь еще в десятом классе гордился доставшейся ему в наследство фамильной реликвией, которая некогда принадлежала его деду, адмиралу Константину Егоровичу Туровскому, погибшему в конце октября 1941 года в неравном морском бою недалеко от полуострова Ханко. Сегодня эти две буквы, за которыми стояла прославленная личность адмирала, уже не соединялись с его бывшим владельцем. В двух извивающихся как змеи буквах она видела Игоря с его талантом нравиться женщинам и бездумно причинять им боль.

Хрустальная пепельница, стоявшая между пустой бутылкой из-под коньяка и недопитой бутылкой боржоми, доверху была завалена окурками.

С мыслью как-то отомстить Игорю, сделать ему больно, и не столько за себя, легковушную и обманутую, сколько за Сергея, преданного ей в дружбе, Вероника встала с дивана, заколола шпильками волосы, накинула на плечи халат и подошла к зеркалу. «Боже мой!.. Такой я еще никогда себя не видела!.. – с испугом подумала она, рассматривая себя в зеркале. – Таких голубых провалов под глазами у меня еще никогда не было».

Чтобы хоть чем-то облегчить душевную боль и обиду, с каждой минутой все сильнее и сильнее овладевавшие ею, она достала из секретера последнее письмо от Сергея. С первых же

строк письма на нее пахнуло светлым откровением до конца преданного ей человека. Сергей писал:

«Милая!.. Нежная!.. Радость моя!.. Какая ты у меня умница, что послушалась врача и пощадила нашего наследника. Передай своей врачихе, которая наблюдает тебя, земной поклон от меня. И скажи ей, что муж твой, матрос Тихоокеанского флота, первоклассный пловец и отменный ныряльщик. И скажи ей обязательно, что я донырну до такого причудливого коралла, который будет ответным подарком за ее мудрый материнский совет тебе. А если не донырну (это между нами, по секрету), то мы этот коралл добудем в комиссионном магазине на Арбате. Любой ценой...

Главное – береги себя, моя голубушка, и помни, что я всегда думаю о тебе, и когда поднимаюсь на самую высокую сопку нашего острова, то все мои мысли летят на запад, к Москве, к тебе.

А теперь немного о себе, о службе, об океане. Ты даже не представляешь, что такое осень на Дальнем Востоке! Особенно красив сентябрь. Каждый день мы купаемся в нашей тихой южной бухточке. В нее во время шторма пристают на своих баркасах рыбаки с другого острова и по ночам разводят костры, которые издали, с высоты нашей батареи, отчетливо видны. Сливаясь со штормовым гулом океана, эти костры смотрятся сказочно.

Днем сопки, поросшие низкорослым дубняком и орешником, под солнцем пылают золотыми коронами. А когда во время штиля на море, особенно в нашей южной бухте, идут косяки скумбрии или окуня, то стаи чаек поднимают над косяками такой гвалт, что новичку степняку или закоренелому горожанину может показаться, что в природе случилось что-то такое тревожное, что вот-вот неожиданно-негаданно грянет беда. Но мы уже привыкли к этим оголтелым птичьим базарам. Для наших батарейцев истошный крик чаек является своего рода командой: «Всем свободным от вахты – вниз к пирсу!..» И тут лишь успевай сесть в шлюпку, чтобы не прозевать косяк (иначе — поезд ушел) и вовремя закинуть невод, чтобы за один заброс вытащить добрых два-три центнера трепещущего серебра. Ты чувствуешь, малыш, улов мы здесь исчисляем не по-московски, не на штуки пескарей или окунишек, а на центнеры! Так что со свежей рыбой и тройной ухой у нас всегда – о'кей!..

А на днях в мотне невода запуталась небольшая, метра два, акула. Еле вытащили невод. Ох и билась же она за свою жизнь. Жила на берегу два дня, пока ее из жалости не пристрелил командир батареи. Всем своим видом, плавными очертаниями сильного тела, мутным и холодным взглядом хищных глаз, которыми она поводила, следя за теми, кто стоит рядом с ней, сразу видишь, а скорее, чувствуешь, что это могучая, хищная рыба. Не приведи бог встретиться с ней, даже мне, пловцу и ныряльщику, о котором слава (не подумай, что хваюсь) доплыла уже до высокого спортивного начальства во Владивостоке. Наш комбат даже опасается, чтобы меня не «увели» продолжать службу во Владивосток, как это делает Спорткомитет в Москве, когда сманивает некоторых футболистов и хоккеистов из провинциальных команд и переводит в столицу. Трех своих друзей-батарейцев я уже обучил кролю и брассу. Одного из них готовлю к флотской спартакиаде, которая намечается на лето будущего года.

Я, кажется, уже писал тебе, что после принятия присяги моя боевая специальность определилась твердо – я оператор центрального поста управления батареей. А калибр нашей батареи чуть поменьше твоего хулахупа, который ты вертела в десятом классе, добиваясь у себя осиной талии.

Две недели назад у нас проходили флотские стрельбы. Наша батарея накрыла цель вторым выстрелом. Были разбиты все четыре щита, которые с большой скоростью двигались за трапезниками на тросах.

В числе других ребят я получил внеочередное увольнение во Владивосток. Город прекрасный!.. Венец океана!.. Чем-то по своему гористому рельефу он напоминает Севастополь.

Милая! Я по тебе очень тоскую. Ты часто снишься мне по ночам. А в прошлую неделю я видел тебя с ребенком на руках. Своим личиком он чем-то напоминал мне младенца в руках Сикстинской мадонны. Я спрашиваю тебя, как ты назвала нашего сына, а ты молчишь, словно не слышишь и не видишь меня (так бывает только во сне), и смотришь куда-то вдаль, поверх моей головы, взгляд твой тревожный и пристальный. Я даже обиделся на тебя. Проснулся с обидой в сердце, так и не узнав, как мы назовем своего сына.

Хотя нам, мужчинам, и не пристойно вдаваться в медицинские подсчеты сроков деторождения, но я приблизительно прикинул: где-то в начале марта мои друзья-батарейцы несколько раз подбросят меня в воздух на берегу южной бухты или на самой высокой сопке нашего бро-небойного острова.

А если ты подаришь мне доченьку, то я за нее тебя «зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет...». Опять меня задел крылом ангел Есенина.

Со мной сменную вахту несет Саша Гордеев. Отличный, душевный парень!.. Из Иркутска. Его прапрадед был декабрист. Вначале мы не сразу поверили ему, хотя он и не из хвалбишек, но он нам, фомам неверующим, доказал на документах. За каких-то несколько месяцев мы с ним сдружились так, что на нас можно вешать этикетку: «Не разлей вода». Врожденный пловец и ныряльщик! Когда мы с ним в свободные от вахты часы ныряем с отвесной скалы западной бухты, где у самого берега глубина дна недостижимая, на нас собирается поглазеть чуть ли не вся батарея. Я полюбил этого бесстрашного до безрассудства сибиряка. К его стыду, он еще ни разу не был в Москве и считает это непростительным невежеством.

Островок, на котором я служу, можно пешком обойти за несколько часов, если бы у него со всех сторон были пологие берега.

Особенно красив океан утром, при восходе солнца, а в час заката он пылает гигантским пожаром и красотой своей и величием вызывает в душе что-то такое, отчего хочется забраться на самую высокую сопку и петь. Если бы я был поэтом, я написал бы гимн океану. Только теперь я понял гений Айвазовского. Он – сын океана. Не просто моря (это слово у нас привязали к сочинским и ялтинским пляжам, на которых жарятся курортники), а океана. Причем Великого океана!.. А то, что кто-то по недоразумению его назвал Тихим, так это, наверное, лишь потому, что и лев, этот царь зверей, гораздо спокойнее и плавнее в своей величавой поступи, чем воющий в ночи шакал.

Кстати о львах. Недавно в сборнике пословиц и поговорок Индии я встретил мудрый афоризм: «Лев откликается на голос грома, а не на вой шакала...» Океан в часы своего шторма по-львиному откликается на голос вечности. И в этом отклике – пока еще не раскрытая нашей наукой тайна.

На этом, милая, я заканчиваю лирическую часть своего рапорта. А теперь обрадую тебя. Недавно у меня был разговор с комбатом. Я рассказал, что весной мне предстоит стать отцом, а наш с тобой брак не зарегистрирован. Он понял меня и пообещал, в порядке исключения, ходатайствовать перед командующим, чтобы к Новому году предоставить мне внеочередной отпуск по семейным обстоятельствам. Думаю, что он этого добьется. Я у комбата на хорошем счету. А тебе обещаю: как только я сойду с палубы тральщика на берег бухты Золотой Рог во Владивостоке — я сразу же быстрее ветра помчусь на почтамт, чтобы дать тебе телеграмму с текстом, который я уже сочинил: вылетаю такого-то рейсом таким-то, встречай Домодедовском аэропорту. Слово «целую» писать не буду, я это трижды сделаю в Домодедове и тысячу в Москве.

Вот так-то, мой милый Гаврошик! Поди, утомил тебя своим километровым посланием. Все остальное доскажу в следующих письмах.

Матрос первого года службы – Сергей Батулин».

Веронику душили слезы... Слезы просветления и радости. В эту минуту письмо Сергея было для нее спасительным островком, куда ее, влекомую бурным течением по камням и пере-

катам горной реки, вдруг по воле светлого рока совсем случайно вынесло на песчаную отмель, и она почувствовала, что спасена, что с берега придут люди и заберут ее. Прижав письмо к груди, с глазами, полными слез, она прошла в свою пропитанную запахом табачного дыма спальню, и взгляд ее упал на журнальный столик, на серебряный портсигар Игоря, на хрустальную пепельницу, заваленную окурками, на злополучную голубую куртку.

И снова к горлу подступило удушье. «Какая же ты грязь!.. – мстительно, ожесточенно отдавала она себя на суд совести. – Утешься, что нет бога. Если бы он был, он бы наказал тебя, наказал жестоко, непоправимо...» С этой щемящей болью в сердце она упала грудью на подушку. Зашлась в удушливых рыданиях. Так иногда плачут незаслуженно и горько обиженные дети, когда их не хотят даже выслушать, что они не виноваты.

Обессиленная от рыданий, смятая чувством раскаяния и вины перед Сергеем, Вероника лежала до тех пор, пока ее не сломал сон. Во сне ей приснился Сергей. На ходу сказав ей, чтоб она быстро шла за ним, он бросился поспешно к подъезду дома, сказал что-то еще, чего она не разобрала, рукой показал наверх и скрылся в подъезде. Путаясь в длинной, до самой земли, юбке, какие она никогда не носила, Вероника побежала за ним. Она слышала его шаги на ступенях лестничных пролетов, ведущих к верхним этажам, старалась догнать его, но никак не могла, хотя отчетливо слышала звуки его шагов. Она никак не могла понять, куда он так торопится и почему не хочет подождать ее, чтобы дальше подниматься вместе туда, куда он позвал ее. Вдруг неожиданно исчезли звуки шагов Сергея. Она стала звать его и продолжала из последних сил с бьющимся сердцем бежать вверх по лестничным ступеням, но Сергей не откликался. Ей стало страшно. Она остановилась на лестничной площадке между маршами пролетов, чтобы перевести дух, но тут случилось то, что заставило ее в страхе оцепенеть: она не увидела ступеней, ведущих вверх. Вместо них перед ней зиял черный бездонный провал, откуда неслись какие-то странные звуки, чем-то похожие на колокольный звон, который она слышала один раз в жизни в Загорске, в первый день Пасхи, куда она с подругами ездила, чтобы из любопытства посмотреть, как проходит богослужение в лавре. Эти звуки ее несколько успокоили. Потом голос невидимого Сергея трижды повторил ей: «Назад!.. Назад!.. Назад!..» Она быстро повернулась, чтобы, повинувшись голосу, спуститься вниз, но в ужасе отступила. Лестничный марш, ведущий вниз, рухнул на ее глазах, и она очутилась на крохотном бетонном квадрате, который начал трескаться под ее ногами. И она закричала... Но крика не получилось. Из ее горла неслись сиплые звуки задыхающегося человека.

Сколько она проспала – Вероника не знала. Ее разбудил звонок в прихожей. Звонок – продолжительный, настойчивый. Она даже обрадовалась, что звонок оборвал кошмарное сновидение, которое какие-то секунды, пока она шла в переднюю, чтобы открыть дверь, еще жило в ее сознании. Подойдя к двери, она даже не спросила: «Кто?..» Спеша быстрее погасить в душе ужас и страх, которые она испытала во сне, стоя на пяточковой площадке над черной бездной, Вероника судорожным движением пальцев крутанула зубчатое колесико английского замка и распахнула дверь. И тут же в испуге отступила. На пороге стоял Сергей. Высокий, плечистый, мужественный. Черная морская шинель на нем сидела как влитая. В руках он держал черный чемодан.

Веронику била нервная дрожь. Втянув голову в плечи и прижав к груди руки, она спиной припала к стене и смотрела на оторопевшего Сергея широко открытыми глазами, в которых застыл ужас. Виновато и растерянно улыбаясь, Сергей нерешительно переступил порог, закрыл дверь и, даже не поставив чемодан, спросил:

– Ты что, не получила мою телеграмму?

– Н-н-нет... – с трудом, как в ознобе, выдавила из себя Вероника и продолжала смотреть на Сергея так, словно умоляя всевышние силы, чтобы реальная явь этой минуты была продолжением только что оборванного кошмарного сна. Но тут же ожогом молнии просверкнули в ее сознании застланная на двоих постель, на журнальном столике серебряный портсигар Игоря,

который много раз у него видел Сергей, голубая импортная куртка, висевшая на спинке кресла, и гора окурков в хрустальной пепельнице...

Поставив к стенке чемодан, Сергей шагнул к Веронике, стиснул ее в своих сильных руках и принялся целовать.

– Что с тобой?.. Ты больна?.. – выдохнул он, испугавшись выражения лица, застывшего на лице Вероники.

– Н-н-нет... Я зд-д-дорова, – продолжая выстукивать зубами дробь, каким-то чужим голосом ответила Вероника.

Сергей подхватил ее на руки и прямо в шинели и шапке понес через гостиную в спальню. На ходу, пока он нес ее, она успела еле слышным голосом беспомощно сказать:

– Прости... Я такая... гадкая...

Сергей ничего не понимал, такой он ее еще никогда не видел. В единственном он был убежден в эту минуту – Вероника больна. Осторожно уложив на постель, Сергей бережно накрыл ее одеялом и снял шапку. Отвернувшись лицом к стене, Вероника лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

Потом наступила тишина. Страшная для обоих тишина. Такая тишина наступает в последнюю минуту перед расстрелом приговоренного к смерти человека, когда вершится казнь: палач, подняв винтовку и крепко прижав приклад к плечу, тщательно целится, чтобы одним выстрелом, мгновенно оборвать жизнь жертвы. Но здесь, в маленькой комнатке, где Вероника сделала первые шаги, не было палача. Здесь были две жертвы, приговоренные к душевным мукам.

Как сквозь смутный сон, Вероника слышала тяжелый и долгий, как тихий накат морской волны на песчаный берег, вздох Сергея, за которым последовал шелест отрываемого листа бумаги, потом были еще какие-то непонятные звуки... Сколько минут продолжалась эта мучительная для обоих тишина, Вероника не знала. Время для нее, раздавленной и опустошенной, остановилось, но она отчетливо слышала, как Сергей закрыл за собой дверь в спальню, слышала его затихающие шаги через гостиную, слышала тихий хлопок коридорной двери, потом наступила минута такой отрешенности и утраты всех физических ощущений, которую в народе и в медицине называют двумя точными словами – потеря сознания.

Когда она очнулась, то еще долго лежала неподвижно, боясь открыть глаза. Если бы в эту минуту ей предложили: «Выбирай одно из двух: или встреча с Игорем была той омерзительной реальностью, за которую ты заплатишь жизнью, или приход Сергея был всего лишь сновидением и он о твоей вине перед ним никогда не узнает», – она выбрала бы первое.

И все-таки Вероника нашла в себе силы встать, чтобы жить дальше, чтобы мучиться от сознания непоправимой вины перед любимым человеком, ее верным другом, мужем, которого она так греховно и грязно предала, встала для того, чтобы всю жизнь нести тяжкий крест вины перед еще не родившимся ребенком, у которого она отняла отца.

Опираясь руками о валик дивана, Вероника с трудом поднялась на ноги и, касаясь пальцами стенки, зачем-то подошла к зеркалу. И тут же, исторгнув протяжный, сдавленный где-то в глубине груди стон, отпрянула назад: из зеркала на нее смотрело отвратительное лицо с потухшими глазами, под которыми темно-голубоватыми серпами лежали следы бурно проведенной ночи.

Взгляд Вероники упал на журнальный столик. На нем все было так же, как и до прихода Сергея. Лишь серебряный портсигар, лежавший на краю стола, теперь валялся на подушке, на которой спал Игорь. Рядом с портсигаром лежал конверт, на котором был написан машинописный адрес: «Г. Москва, председателю исполкома Сокольнического районного Совета депутатов трудящихся тов. А.С. Артамонову».

Вероника вскрыла конверт и достала из него вдвое сложенный листок, наверху которого крупными типографскими буквами было напечатано: «Тихоокеанский флот».

На фирменном военном бланке было напечатано:
«Уважаемый Александр Сергеевич!

Командование воинской части ходатайствует перед Вами о разрешении, в порядке исключения, зарегистрировать брак между матросом Батуриным Сергеем Константиновичем и гражданкой Воронцовой Вероникой Павловной, не распространяя на них положение о месячном сроке между днем подачи заявления и днем регистрации брака.

Причины вышеуказанной просьбы Вам объяснит матрос Батурин при личной встрече с Вами, о чем я убедительно прошу.

При решении этого вопроса прошу учесть, что отпуск матросу Батурину предоставлен всего лишь на пятнадцать суток вместе с дорогой.

С уважением – заместитель командира воинской части капитан первого ранга
В. Шумилин».

Вероника долго, словно в дремотном отупении, смотрела на волнистую роспись капитана, смотрела до тех пор, пока внимание ее не отвлекла записка, лежавшая на столе рядом с хрустальной пепельницей. Она была написана на вырванном из блокнота листке. Вероника протянула руку к столику и взяла записку. Почерком Сергея – а его почерк она могла узнать из тысячи почерков – было написано: «За что?..»

Глава первая

Вытянувшись во всю длину дивана, Валерий лежал на спине, сложив на груди руки, и неподвижным взглядом, в котором со стороны можно прочесть напряженную и сосредоточенную работу мысли, смотрел в потолок. Всякий раз, когда он слушал свою любимую, ставшую популярной песню «Огромное небо», он мысленно уносился к образу отца, которого он не помнил, но о нем много ему рассказывала мать. Ему сейчас очень хотелось поговорить с матерью об отце, чтобы узнать хоть одну новую, пусть даже крохотную черточку его героической биографии. Но начать этот разговор с матерью он не решался, боялся лишний раз омрачить ее настроение воспоминанием о трагедии в ее жизни.

Валерий последние годы часто видел отца во сне – видел таким, каким он был на единственной, чудом уцелевшей в их семейном альбоме фотографии, где он в комбинезоне и в кожаном летном шлеме стоял рядом с самолетом и улыбался. И всякий раз, когда Валерий смотрел на фотографию, то улыбка на лице отца как бы излучала все новые и новые сигналы его душевной нежности к сыну, которую он копил в себе много лет, а выразить никак не может. А в прошлом году, в ночь на Девятое мая, перед праздником Победы, Вероника Павловна, услышав в комнате сына какие-то непонятные звуки, зашла к нему без стука и застала его сидящим в кресле у стола с глазами, полными слез. На столе перед ним в рамочке под стеклом стояла фотография отца. Долго пришлось Веронике успокаивать сына. Только завидев слезы на глазах матери, Валерий нашел в себе силы подавить рыдания и взять себя в руки. Эта же фотография, в несколько раз увеличенная, была на кладбищенском памятнике в Смоленске. Последний разговор Валерия с матерью об отце был весной, когда он пытался узнать у матери, почему его захоронили не в Москве, где он родился и жил и где жили его жена и двухлетний сын, Валерий. На этот вопрос мать, с трудом сдерживая слезы, ответила, что гибель его отца для нее была таким тяжелым потрясением, что вопрос его захоронения взяла на себя воинская часть, где он служил летчиком-истребителем.

– Гибель твоего отца для меня была страшным ударом... Я несколько месяцев не могла прийти в себя... А потом сама пожалела, что не настояла, чтобы его останки перевезли в Москву и захоронили на Ваганьковском кладбище, в могиле бабушки и дедушки...

Видя, что мать крепится из последних сил, чтобы не разрыдаться, Валерий подошел к ней и обнял за плечи:

– Ладно, мама, не расстраивайся, мы не одни такие... С войны вон сколько не вернулось отцов и мужей, и все как-то живут.

Утешенная сыном, Вероника Павловна вздохнула и благодарно улыбнулась Валерию.

– Ты у меня умница, сынок. Не знаю, что бы я делала, если б не ты.

Этот разговор между матерью и сыном произошел после того, как они неделю назад, в день смерти бабушки Вероники Павловны, усталые и опечаленные, пришли с Ваганьковского кладбища и некоторое время еще находились под впечатлением того настроения и тех чувств, которые испытывает человек после посещения кладбища.

И вот сейчас, лежа на диване и слушая свою любимую песню о погибшем летчике, который, во избежание падения горящего самолета на город, не стал катапультироваться, а дотянул до окраины города и погиб при посадке, Валерий вспоминал этот разговор и думал, как бы, не расстраивая мать, предложить ей завтра, в ночь на субботу, поехать в Смоленск, чтобы навестить могилу отца и поправить покосившуюся ограду. Эта мысль его настолько заняла, что он не слышал, как в комнату его вошла мать. Он даже вздрогнул, когда она двинула стулом, стоявшим у книжного шкафа, где в одном из отделений находилась большая стопка грампластинок и магнитофонных кассет с записью песен о летчиках.

– Сынок, не рви душу... Ты эту песню слушаешь чуть ли не каждый день. Неужели ты не видишь, как она тяжела для меня?..

Валерий встал, выключил магнитофон. С минуту, не глядя на мать, он рассеянно рылся в книгах, потом, видя, что она не уходит и чего-то ждет от него, сказал:

– Уж коли ты сейчас, как и я, об отце подумала, то давай, мамочка, навестим его в субботу. С билетами на поезд, я узнавал, сейчас свободно. А в воскресенье вечером вернемся. Я хочу поправить покосившуюся ограду и обновить ее серебрянкой. Я достал целую банку. – Валерий посмотрел на мать и, увидев, как на лице ее погасла улыбка, как бы оправдываясь, что причинил ей боль, сказал: – Не сердись на меня. Я об этом давно думаю. А сегодня я отца видел во сне. Он, как всегда, как и на фотографии, приснился мне в своем летном комбинезоне, в шлеме, в кожаных перчатках-крагах. Выглядывает из кабины самолета, улыбается, машет мне рукой и что-то говорит, говорит, но я не слышу его слов... Страшный гул мотора самолета заглушает их, и мне до слез обидно, что я никак не пойму, что он хочет сказать мне. Проснулся и почувствовал, что... плачу.

– Сынок, в эту субботу я поехать не могу. Я договорилась с машинисткой целый день диктовать две большие главы диссертации Альберта Валентиновича. Его очень торопит научный руководитель. Давай поедем в следующую субботу.

– Хорошо, мама, поедем в следующую субботу. Только ты дай мне денег. Я куплю хороший навесной замок для дверцы ограды. Когда я был на кладбище в прошлом году, то кто-то сорвал мой замок. Мне даже показалось странным: замок сорван, а могила ухожена. Даже чуть увядшие цветы лежали. Кто-то могилу навещает. Ты не знаешь кто?

– Наверное, друзья отца, летчики... – вздохнув, проговорила Вероника Павловна. – Он был любимцем эскадрильи.

– Но зачем же сорвали замок? Я искал его в ограде, рядом с оградой – и нигде не нашел. Неужели и на кладбище воруют?

– К сожалению, воруют и на кладбище, – рассеянно, словно рассуждая сама с собой, ответила Вероника Павловна, прикидывая в уме – сможет ли она в следующую субботу поехать с Валерием в Смоленск, чтобы навестить могилу совершенно незнакомого ей военного летчика, «трагически погибшего при исполнении служебных обязанностей», как было высечено золотыми буквами на черном граните памятника. «Воронцов Иван Георгиевич». А чуть ниже, цифрами помельче, стояло: «1925 г. – 1953 г.».

А произошло все случайно и просто. Четырнадцать лет назад, будучи в служебной командировке в Смоленске, Вероника в солнечный воскресный день, прибившись к группе туристов-экскурсантов, посетила достопримечательные места древнего города, через который прошли почти все крупные войны России. Особенно ее поразили стоявший на возвышении величественный собор, куда группа экскурсантов тихонько вошла во время богослужения. В этот день как раз был какой-то христианский престольный праздник, а поэтому служба проходила торжественно, с хором, со всеми зажженными люстрами. Хотя и неверующей была Вероника, но весь этот таинственный обряд богослужения, страдальческие лики святых и их угодников, смотревших из резных позолоченных рам иконостаса, старинная роспись куполов и скорбные, сосредоточенные лица верующих прихожан, не то всеми думами и чаяниями ушедших куда-то в себя, не то вознесшихся душой ко всевышнему, уносил Веронику во что-то такое, что раньше она никогда не испытывала. Она даже поймала себя на мысли: «Вот приди сюда раза три слабый душой человек – и потянет. Есть в церковном служении какая-то психологическая тайна...»

Понравился ей и стоявший на взгорке у входа в храм памятник князю Смоленскому, фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову. Вникая в рассказ экскурсовода и стараясь воображением унести на полтора столетия назад, Вероника вместе со всеми прошла вдоль кирпичной стены Смоленского кремля, у подножия которого еле обозначались обвет-

шалые могилы героев войны 1812 года. Потом вместе с экскурсантами она посетила смоленский музей, где от всех впечатлений прожитого дня у нее разболелась голова, и она уже собралась незаметно покинуть группу туристов и уехать в гостиницу, как очень добросовестная и, как видно, преданная своему делу уже немолодая и сухонькая экскурсовод предложила: тем, кто еще не очень устал, она может показать старое смоленское кладбище. Вероника некоторое время колебалась, но потом, видя, как во взгляде экскурсовода засветилось что-то просительно-приглашающее и убеждающее, что можно выразить двумя словами: «Не пожалеете», она вместе с поредевшей стайкой экскурсантов села в автобус и поехала на кладбище.

На кладбище, медленно бродя между памятниками героям, погибшим в сражениях за Смоленск, они пробыли больше часа. После осмотра старых захоронений перешли в новый сектор кладбища, где покоились умершие уже в двадцатом веке. И вдруг... Как может один день, один час, даже мгновение случайно промелькнувшая в голове мысль отразиться на целой судьбе человека!.. И с этого часа, с этого мгновения начался новый отсчет в жизни ее сына Валерия. Она отчетливо помнила, как среди захоронений погибших в Великую Отечественную войну в дни жарких боев за древний Смоленск, который не раз переходил из рук в руки сражающихся войск – советских и фашистских, – она остановилась у гранитного памятника погибшему уже в мирное время летчику-истребителю Воронцову Николаю Александровичу. Вглядываясь в фотографию на белом фарфоровом овале, вмонтированном в нишу памятника, она была прошита словно электрическим током. «А что, если?.. Ведь однофамилец... Ровесник... Притом же в другом городе... Нужно только сделать по-умному и уже начинать сейчас, когда Валерику всего три года... Он еще ничего не смыслит... И нужно начать с фотографии... А потом, потом, когда будет подрастать, – рассказывать ему, какой был хороший и храбрый у него отец...»

Так родилась легенда матери во спасение души единственного, бесконечно любимого ею сына. Легенда-ложь... В народе ее зовут «ложь во спасение».

Первое, что сделала Вероника, незаметно отстав от группы экскурсантов, – это поймала такси, привезшее кого-то на кладбище, и поехала в фотографию. На вопрос шофера: «В какую?» – она рассеянно ответила:

– В любую... В самую лучшую!..

Шофер сказал, что в воскресенье никакие фотографии не работают, на что Вероника ответила:

– Тогда везите на вокзал. Мне нужно срочно сдать билет. Я должна завтра быть в Смоленске. У меня тут дела... – Все это она говорила по инерции, как бы разговаривая сама с собой. А уже немолодой, седой таксист, давно профессионально привыкший не только к легким бытовым информациям и праздной болтовне пассажиров, но даже и к душевным откровениям, к таким откровениям, с которыми не поделишься даже с близкими людьми, качнул головой и сказал: «Хорошо». И повез ее на вокзал, где Вероника сдала билет и взяла новый – на завтра, на тот же поезд Минск – Москва.

В понедельник утром Вероника из гостиницы дала на работу телеграмму, что по делам службы задерживается в командировке на сутки, и тут же придумала реальную, связанную с работой причину задержки. Одна ложь, большая, родила маленькую служебную ложь, безобидную для других.

В фотографии на одной из центральных улиц она уговорила фотографа во время обеденного перерыва проехать с ней на старое кладбище, чтобы переснять фотографию с памятника погибшему летчику. Первые минуты фотограф угрюмо молчал, потупив взгляд, но, когда Вероника заверила его, что за эти услуги она заплатит особо, тот согласно кивнул и, сделав какие-то поручения своему молодому помощнику, захватил с собой массивный аппарат, треногу, и они поймали свободное такси и поехали на кладбище. После того как старик фотограф сделал снимок в трех ракурсах, Вероника на том же такси отвезла его в фотографию и, щедро

заплатив ему за работу и вынужденную отлучку, попросила, чтобы к концу рабочего дня она могла получить снимки, на что фотограф развел руками и кокетливо улыбнулся.

– Мадам, что не сделаешь для красивой женщины.

В шестом часу, как и условились, Вероника приехала в фотографию, и старый фотограф передал ей толстый пакет, в который была вложена, как и было заказано, дюжина фотографий трех видов – по четыре штуки каждая.

С этих-то фотографий, которые Вероника привезла из Смоленска, и началась сначала маленькая ложь, рассказанная трехлетнему сыну («Валера, вот твой папа... Он был храбрым летчиком...»), которая с годами, как снежный ком, катящийся с горы, выросла в большую ложь-легенду, напичканную подробностями и деталями из жизни храброго летчика, похороненного на смоленском кладбище. И когда, подрастая, Валерий просил мать что-нибудь рассказать об отце еще, она, выжимая из себя все, что можно выжать из своей не очень-то богатой фантазии, рассказывала сыну о том, как отец любил Валерия, как он играл с ним, как носил его на плечах на первомайской демонстрации, как ласкал и баловал его...

Все это – Смоленск, экскурсия, собор, кремль, старое смоленское кладбище, старый фотограф... – пронеслось в голове Вероники Павловны, когда она пообещала сыну поехать с ним на смоленское кладбище в следующую субботу.

А потом, мама, когда же ты наконец разыщешь мое свидетельство о рождении? Все наши ребята, кому только исполнилось шестнадцать лет, сразу же получили паспорта... Один я уже полгода хожу, как беспаспортный бродяга. Да, да, беспаспортный бродяга. Эту кличку на меня, вроде бы в шутку, повесил Юрий Ротанов, и она как репей прилипла ко мне. А Костя Алтынский решил упростить ее, переделал просто в «бродягу». Ведь я тебе уже сто раз говорил: найди свидетельство, ведь не украли же его у нас. А если не находится – восстанови, попроси копию. Это же, говорят, делается запросто...

Свидетельство о рождении. Вот уже больше года, как только Валерию минуло пятнадцать лет, этот документ стал причиной ее растущих день ото дня тревог. Оно никуда не исчезло, оно находится в надежном месте – у родной матери, с кем она делится самыми сокровенными тайнами. Она спрятала свидетельство о рождении сына из боязни, что вдруг однажды, роясь в ее столе, куда Валерий иногда заглядывал, чтобы посмотреть фотографию отца, он наткнется на это свидетельство и в душе его может разразиться целая трагедия. Там, в этом документе, который Вероника Павловна получила через месяц после выхода из роддома, в графе «мать» стоит: «Воронцова Вероника Павловна», в графе «отец» длинной жирной чертой поставлен прочерк. Отца нет. Не раз Вероника Павловна в душе посылала проклятья в адрес человеку, подписавшему документ, согласно которому в загсах стали выдавать свидетельства о рождении, с годами ставшие причиной не только семейных драм, но и трагедий, когда дети в один прегорький день узнавали, что у них нет отца, что они – дети свободной любви. Да и любви ли... И вот этого-то больше всего боялась Вероника Павловна.

– Ничего, сынок, найду... – стараясь быть внешне спокойной, ответила Вероника Павловна. – Не провалилось же оно сквозь землю. В воскресенье съезжу на дачу к Снегиревым, где мы отдыхали с тобой года четыре назад, и поищу у них. Может быть, выпало тогда из нашего семейного альбома, оно всегда лежало в нем. – Вероника Павловна говорила, а сама всем существом своим вопрошала: «Простишь ли ты меня, когда узнаешь тайну своего рождения?..»

– Пожалуйста, мама, скоро это потребуется и для райвоенкомата, когда вызовут на приписку.

Чтобы отвлечь сына от тревожившей его мысли о затерянном свидетельстве о рождении, Вероника Павловна подошла к нему вплотную, положила руки на его плечи и, глядя в глаза, сказала:

– Какой ты у меня уже взрослый!.. Поехали на Клязьму, искупаемся, в местном ресторанчике готовят хорошие шашлыки. Ведь ты любишь шашлык?

Но Валерий, несмотря на то что он – и об этом хорошо знала Вероника Павловна – любит шашлыки, еще не мог так сразу соскользнуть сознанием с мысли об отце и о предстоящей поездке в Смоленск.

– Мама, а я похож на отца?

– Очень!.. Очень, сынуля, походишь!.. Такой же высокий, такой же красивый!.. Даже русые волосы у тебя выются такими же крупными волнами, как они вились у отца.

– Спасибо, мам... – Валерий резко подогнулся в коленях и совершенно неожиданно для матери поднял ее на руки и закружился с ней по комнате, напевая вальсовый мотив. – На выпускном вечере, через год, мы станцуем с тобой школьный вальс!.. Я уже умею, меня научила Эльвира.

– Я буду счастлива!.. – задыхаясь, почти простионала Вероника Павловна и только теперь вспомнила, что с разговором об отце и о свидетельстве о рождении она совершенно забыла позвонить машинистке, что завтра в десять утра она придет к ней диктовать главы диссертации мужа.

Увидев, как неожиданно изменилось лицо матери и на него наплыло облако озабоченности, Валерий аккуратно опустил ее на диван.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось, сынок. Я просто забыла, что час назад я должна была позвонить машинистке. Альберт Валентинович еще утром меня так просил об этом.

С упоминанием имени отчима, за которого Вероника Павловна вышла замуж три года назад, познакомившись с ним на пляже в Одессе, где она отдыхала в одном из ведомственных домов отдыха, Валерий как-то сразу сник. Ему уже не хотелось ехать с матерью ни на Клязьму, ни есть шашлыки, которые неплохо готовят в местном ресторанчике.

– Ладно, мама, раз нужно – то нужно. Ты давай помогай Альберту Валентиновичу, а я пойду поиграю в волейбол. Кто будет звонить – скажи, что в десять вечера я буду дома. А если позвонит Эля – передай ей, что я жду ее на волейбольной площадке в парке «Сокольники». Она знает, где это. – Валерий поцеловал мать в щеку и, улыбнувшись, бросил: – Но пасаран!

Когда за Валерием захлопнулась дверь в прихожей, Вероника Павловна обессиленно села в кресло за письменный стол, на котором лежали главы рукописи диссертации. Чувствуя, что ей не хватает дыхания, она положила под язык таблетку валидола.

Нужно было уже давно звонить машинистке, а ей так не хотелось, просто не было сил. А не позвонить и не отдиктовать завтра два больших раздела главы было нельзя. Муж не просто обидится, а сочтет, что она его подвела.

Найдя в записной книжке номер телефона машинистки, она принялась расслабленно крутить диск аппарата.

Глава вторая

Юридический факультет Московского университета Калерия и ее муж Сергей Николаевич окончили семь лет назад. Поженились на третьем курсе, все годы жили душа в душу, а вот, как, вздыхая, говорила бабушка Калерии, «деток бог не послал». Посмотреть со стороны – не женщина, а «кровь с молоком», все при ней: и лицом бела и румяна, и статью вышла: высокая, стройная, и тяжелая каштановая коса, уложенная на голове, завивалась в корону... А глаза!.. Про глаза еще бабушка, когда Калерия была маленькой девочкой, говорила:

– Да ты их помой хорошенько, смотри, какие они у тебя черные замарашки. С мыльцем помой, да реснички помой тоже, а то они как черные метелки...

Обливаясь тайными детскими слезами, потихоньку всхлипывая, Лера старательно намыливала глаза, ресницы, брови, поднимала голову, смотрелась в зеркало над раковиной, и снова на нее из-под черных густых бровей смотрели большие черные глаза, опущенные метелкой длинных черных ресниц.

Только потом, уже где-то в восьмом классе, вспоминая деревенские шутки бабушки, Лера улыбалась и подолгу смотрелась в зеркало, рассматривая свои глаза, брови, ресницы, которым завидовали девчонки. Эти глаза, черные и лучистые, и сейчас, когда Калерии исполнилось тридцать лет, еще обжигают встречающих мужчин, заставляют их оборачиваться, чтобы окинуть взглядом стройную и красивую женщину.

Были бы и дети, если бы не аборт при первой беременности. Это уже было на четвертом курсе. А ведь врач так отговаривала, предупреждала, что с ее отрицательным резусом крови аборт при первой беременности грозит бездетностью. Не послушалась, не поверила врачу, думала, что просто запугивает, такая уж линия проводилась в те годы в медицине: нужно воспроизводить те двадцать миллионов, которые погибли в войну. Некоторое время Калерия и Сергей колебались, хотели оставить ребенка, но тут сработали свое злосчастное дело теснота и скандальный быт многонаселенной коммунальной квартиры. Молодожены, отгороженные от родителей Калерии и бабушки ситцевой ширмой, спали на узенькой железной кровати с провисшей панцирной сеткой. А вот сейчас все есть: просторная двухкомнатная квартира на восьмом этаже, окнами выходящая на Университетский проспект, усаженный березами, у подножий которых с утра до вечера пестреют яркие детские коляски, есть «жигули» (за Сергеем Николаевичем утром приходит служебная машина, которая вечером, после работы, привозит его домой), есть под Загорском садово-огородный участок, который супруги Веригины ласково называют то «дачулей», то «сладкой каторгой»... А вот детей нет. И не будет. Первые четыре года еще на что-то надеялись, два раза по этой причине ездили на специализированный курорт, обращались к профессорам, потом наконец смирились и больше об этом не стали говорить, чтобы лишний раз не опечаливать друг друга. Калерия, как нынче говорят, «с головой ушла в работу», Сергей Николаевич, служебная карьера которого быстро поднималась в гору, ждал присвоения очередного звания – майора милиции. Следственная работа ему была по душе, начальство его ценило, коллеги уважали за скромность и честность: не заискивал перед начальством, не смотрел свысока на молодых, только что начинающих работать следователей. Иногда, чтобы не показалось, что становится в позу наставника, незаметно помогал неопытным коллегам распутать сложные уголовные дела. Никак не мог смириться лишь с тем, что Калерия, возвращаясь с работы, словно по закону сообщающихся сосудов, старалась перелить в него волнения и впечатления прожитого дня. Вот и сегодня после встречи со следователем Захряпкиным, который утром был в следственном изоляторе на Матросской Тишине, где он, по его словам, больше часа провел с подследственным Владимиром Ивановым, которому угрожает колония для несовершеннолетних, она никак не может отделаться от тяжелого

чувства в душе. «За Ивановым кто-то стоит, – думала она, – не мог он сам решиться на такое. Но боится выдать, будет месть».

За ужином Калерия хотела рассказать мужу о посещении Захряпкиным изолятора и о его очередном допросе Иванова, но Сергей Николаевич, думая о чем-то своем, умоляюще посмотрел на жену и, перестав есть, вздохнул.

– Лера, ради бога, освободи меня сегодня от своих впечатлений, переживаний и хлопот. У меня у самого сегодня был такой сумасшедший день, что я до краев переполнен тем, что ты хочешь перелить в меня. Об Иванове ты мне уже рассказывала, и не раз. Ты повторяешься. Я же сказал тебе – пусть его аккуратно «колют», наверняка Иванова на эту кражу кто-то навел...

– «Колют-колют», – обиделась Калерия. – Они его уже три недели колют, да он никак не раскалывается.

– Значит, твой Захряпкин не с того конца зашел. А потом непонятно – зачем ты лезешь не в свое дело? У тебя же своих забот невпроворот!..

– Если бы ты видел этого следователя. Это – вот!.. – Калерия постучала по столу. – Непроходимый дуб!.. Я попыталась кое-что подсказать ему, но он даже не стал слушать меня. Зевнул, как бегемот, и полусонно промычал: «Вы сентиментальны и лиричны, Калерия Александровна...» И больше не захотел со мной разговаривать. Хочет уже писать обвинительное заключение и передавать дело в суд. А я уверена, что судьбу Иванова как несовершеннолетнего можно облегчить, если докопаться, кто толкнул его на это преступление.

– Ну что ж, ты уверена, а следователь Захряпкин, руководствуясь Уголовно-процессуальным кодексом, будет писать обвинительное заключение, когда он сочтет это своевременным и необходимым. И чем больше ты будешь «чувять» и душеспасительницей таскаться по колониям своих старых подопечных, тем раньше твоя каштановая головка обольется благородной сединой. Давай лучше поговорим о летнем отдыхе. Представь, что перед глазами твоими не тюремная камера за решеткой и толстыми стенами, а море!.. Могучее Черное море!.. Уже два лета мы с тобой не плавали в нем. А через месяц ты так забронзовеешь на гагринском пляже, что опять за тобой будут, как шакалы, охотиться пляжные «прикольщики». – «Прикольщиками» Сергей Николаевич называл уличных и пляжных приставал, навязывающихся в знакомство с хорошенькими женщинами. – В это лето я их буду топить за волнорезом, чтобы их трупы не выносила на берег волна.

– Ты болтун, Сережа! Я с тобой о деле, посоветоваться хочу как с опытным следователем, а ты мне о «прикольщиках», – с напускной сердитостью проговорила Калерия, пододвигая Сергею кусок торта.

– А ты их не увлекай, не заманивай опущенными долу очами. Ведь в каждом из нас живет маленький Отелло. Так что ты это учти и прими к сведению, Калерия Александровна. Во мне ведь тоже сидит если не мавр, то мавриконт.

Последние слова Калерию рассмешили.

Чай пили молча, каждый думая о своем, а когда вышли из-за стола, Калерия подошла к Сергею Николаевичу, встала на цыпочки и, поцеловав его в щеку, с видом обиженного ребенка спросила:

– А еще один вопрос можно – последний?

– Опять из тюремной хроники или о хулиганстве твоих сорванцов? – с напускной сердитостью спросил Сергей Николаевич.

– Нет, Сережа, клянусь, нет! – Калерия решительно завертела головой. – Я хочу кое-что спросить о больших начальниках. Я о них ничего не знаю.

Прищурившись, Сергей Николаевич вначале подумал, а потом сказал:

– О больших начальниках? О них – давай.

– Я серьезно, Сережа. Одна никак не могу решить, как мне поступить. Ты понимаешь, есть у меня один очень трудный подросток, перешел в десятый класс. Я с ним уже измучилась.

А недавно до меня дошел слух, что он тайком употребляет наркотики. Я вызвала его, беседовала с ним больше часа, и все впустую. Скалит зубы, улыбается и твердит одно и то же: кто это мог сделать на него такой поклев? А по глазам, по блеску их вижу, что он всего какой-нибудь час назад накурился этой гадости.

– Кто у него родители? – перебивая жену, спросил Сергей Николаевич.

– Вот в том-то и вся сложность. Отец у него – начальник крупного главка, член коллегии союзного министерства. Мать – доцент в Институте химического машиностроения, по уши завязла в своей докторской диссертации, ей не до сына.

– Вышла бы на отца.

– Выходила, и не раз.

– И что же?

– У него нет времени подъехать на полчаса в отделение, чтобы поговорить о сыне.

– Тогда съезди к нему на работу, дело серьезное.

– Неделю назад мы договорились, что он примет меня в своем министерстве. Я пришла к условленному часу, доложила о своем приходе секретарше. Она сказала, что у Петра Даниловича важное совещание. Я все-таки настояла, чтобы она доложила. Она это сделала и сказала, чтобы я подождала. – Калерия закурила и поправила в вазе цветы, искоса наблюдая за лицом мужа. Теперь она прочитала на нем выражение крайнего любопытства. – Рассказывать дальше?

– Обязательно.

– Я прождала его полтора часа в приемной, досыта наслушалась телефонной болтовни секретарши о тряпках, о праздничных продуктовых заказах, и все впустую. Начальник главка меня не принял.

– Почему? – На лице Сергея Николаевича отражалось нескрываемое раздражение.

– Он про меня просто забыл. Забыла в своей болтовне и секретарша. После совещания он с толпой седых и лысых дядечек вывалился из своего кабинета, и тут же все они растеклись в коридоре. Следом за своим начальником вышла в коридор его секретарша. Я, как дура, еще минут десять сидела одна-одинешенька в приемной, потом не вытерпела и заглянула в кабинет. Кабинет был пустой. От обиды и злости я чуть не расплакалась. Сказала что-то дерзкое вошедшей в приемную секретарше и уехала несолоно хлебавши.

– Ну и дура! – зло бросил Сергей Николаевич.

– Почему дура?

– Потому что не он к тебе пришел на прием, а ты к нему.

– Пусть я дура, такой уж у меня характер. Что ты теперь посоветуешь мне делать? Эта встреча необходима.

Сергей Николаевич, скрестив на груди свои сильные руки, прошелся по комнате.

– Пошли ему повестку.

– Посылала. Не реагирует. Даже ни секретарше своей, ни помощнику не поручил позвонить мне, чтобы извиниться и объяснить невозможность приехать в условленное время в отделение милиции.

– Очень просто, – облегченно проговорил Сергей Николаевич. – Есть мощный ход!

– Какой?

– Позвони в партком министерства, представься официально и объясни свою тревогу за сына начальника главка. Вырази свое возмущение бездействием этого номенклатурного папаши в судьбе оболтуса сына.

– Ты думаешь? – удрученно спросила Калерия.

– Только так!.. Если это не поможет – выходи на самого министра. Лучше всего – напиши ему. А копию – секретарю парткома. Уверен – после твоего письма его преподобие начальник главка закрутится как таракан на горячей сковороде. Эти большие начальники кажутся львами в окружении своих подчиненных, а когда дело доходит до того, что их приглашает к

себе Фемида, – они становятся робкими, как зайчата, и послушными, как благовоспитанные дети.

– Сергей, ты молодец! Мне это уже приходило в голову, но я как-то не решалась: все-таки, как-никак, начальник главка, член коллегии.

– Вот и хорошо.

– Я так и сделаю.

– Чем выше ступенька, с которой на грешную землю падает человек, – тем ему больней. Это закон физики и человеческого общежития. Если у простого смертного сын воришка – это плохо, а если у знатного человека сын вор, то это уже омерзительно.

– Сережа, я так и сделаю: вначале еще раз позвоню, а уж если не придет – пошлю письмо секретарю парткома.

– И еще один совет, – Сергей Николаевич недобро улыбнулся, отчего рот его изогнулся скорбной подковой.

– Какой?

– Назначь ему прием, к примеру на одиннадцать ноль-ноль конкретного числа, и придержи его в своем коридоре ровно столько, сколько ты томилась в его приемной неделю назад.

– Что это – жалкая месть ефрейтора генералу?

– Нет, не жалкая месть!..

– А что же?

– Достойный и справедливый ответ на хамство. И он это почувствует. Родителей «трудных» тоже нужно воспитывать. Независимо от их ранга!.. Для тебя родители все равны: и дворники, и министры.

– Но у меня пока не планируется никаких совещаний.

– А ты запланируй это совещание!.. Пусть оно будет экстренным, непредвиденным в тот день, когда вы предварительно договоритесь с этим вельможным начальником о встрече.

– Но что это за совещание? Я же не начальник главка, а всего-навсего инспектор?

– Пусть не совещание, а встреча, простая встреча, на которой будут присутствовать два-три родителя твоих «трудных» и два-три школьных учителя. Неужели твой мозг так обеднел, что ты не находишь повода для этой деловой, вызванной необходимостью встречи? Ведь у тебя столько на учете тяжелых подростков.

– Ты колдун, Сережка!.. Ведь я планирую эту встречу, она мне просто необходима по Олегу Калягину. Одна я с ним уже не справлюсь. Мне нужна помощь. Он может докатиться до того, что сядет на скамью подсудимых.

– Ну и правильно... Пасьянс раскладывается четкий.

После некоторого раздумья Калерия встала, молча прошла на кухню, что-то там сделала и вернулась в гостиную.

– И все-таки это пасьянс мести.

– Повторяю тебе, глупышка, совсем не мести! – в сердцах, словно отчитывая школьницу, сказал Сергей Николаевич. – Это – пасьянс гордости и достоинства. В нашей служебной иерархии ты, инспектор милиции, и начальник главка союзного министерства да еще член коллегии соотносились по меркам седой старины как плебей и аристократ. Это по аналогии, применительно к древности. А хочешь знать, что сказал один великий мудрец о ситуации, которая складывается у нас с начальником главка?

– Что? – Калерия жадно смотрела на мужа, словно ожидая, что в следующую минуту он скажет такое, что будет самым решающим и самым верным ориентиром в ее дальнейшем поведении.

Сергей Николаевич с минуту помолчал, неторопливо прижигая сигарету и раскуривая ее, потом, глядя поверх головы жены, четко проговорил:

– Этот мудрый человек сказал: «При столкновении гордости плебея и аристократа побеждает гордость плебея». Мысль ясна?!..

– Ясна, – тихо ответила Калерия.

– Ну вот, так и держи себя. Человек, теряющий по крохам свое достоинство, разрушается как личность. А ты в моих глазах была всегда личностью!..

– Спасибо, милый. – Поднявшись на цыпочки, Калерия поцеловала мужа в щеку.

Глава третья

Первая половина июля в Подмоскowie выдалась жаркая, солнечная. Дожди шли как по заказу: дня три-четыре палила жара, и вдруг небо заволакивало тучами. Изломы молнии в одно мгновение вспарывали огненными росчерками вспенившееся косматое небо, вслед за которыми над лесом и над притихшим дачным поселком прокатывался громовой рокот, как бы предвещающий: «Люди, ваши заклинания и просьбы природа слышит...» И начинался дождь: крупный, теплый, благодатный. Он сочно лакировал зеленую листву дубов, тихо, убаюкивающе шелестел в задумчивой кроне берез, смешивался шумом своим с извечной дрожью осин.

Гордей Каллистратович любил раннюю пору лета, когда по ночам где-то совсем близко, в углу дачного участка, заросшего вековыми березами и дубами, разливал свои многоколенные рулады соловей. Много раз он собирался записать соловьиные трели на магнитофоне, но все как-то не доходили руки, откладывал на потом... А на это «потом» так и не находилось время. Гордей Каллистратович любил Абрамцево. Здесь двадцать лет назад им была написана докторская диссертация, здесь после защиты диссертации, сразу же с банкета в «Праге» он всю ночь провел с друзьями. Почти до рассвета похал костер, жарились шашлыки, провозглашались тосты, и в ночное небо, усеянное звездами, с выстрелами взвивались пробки пенистого шампанского.

Благо, что все дачные участки в поселке академиков были почти по гектару. Ходили слухи, что это был щедрый дар правительства ученым и боевым генералам сразу же после войны. Все дачи были построены так, что даже если захочешь увидеть, что творится на участке соседа, – не получится. Вдоль резного штaketника поднимал в небо свои копыта вершин молоденький непролазный ельник, а дальше, ближе к центру участка, теснилось кольцо могучих дубов, елей, берез... И все это было вперемешку с рябиной, с бузиной, с разлапистым орешником, чем-то напоминающим своими контурами гигантские папоротники.

Здесь, в Абрамцеве, сделала свои первые шаги дочь Гордея Каллистратовича Оксана. Единственная дочь. Второго ребенка рожать врачи жене отсоветовали.

В мае Оксане исполнилось двадцать лет. Вчера она приехала на дачу и с рыданиями бросилась отцу на грудь:

– Папа, папа!.. Во всем виновата я... Умоляю. Только не расспрашивай ни о каких подробностях.

– Развели? – с трудом выговорил Гордей Каллистратович это непривычное для него слово.

– Развели, – захлебываясь в рыданиях, ответила Оксана.

– Дмитрий был на этом позорище?

– Не был. Он в плавании. Их флот сейчас на учении.

Гордей Каллистратович горестно вздохнул и, глядя голову дочери, отстранил ее от себя.

– Не ты первая, и не ты последняя. Значит, такой тебе выпал жребий. Возьми себя в руки и продумай, как дальше жить думаешь, доченька. Отец твой не вечен.

Это было вчера. А сегодня утром на дачу к Гордею Каллистратовичу приехал его аспирант Альберт Яновский. Гордей Каллистратович неделю назад прочитал две главы его диссертации и хотел высказать несколько советов и замечаний. Сразу же после завтрака он пригласил гостя оглядеть окрестности Абрамцева и по дороге во время прогулки решил высказать ему то, в чем уязвима была его диссертация.

На даче у своего научного руководителя Яновский был первый раз. От всего, что он увидел, закрыв за собой калитку сада, у него захватило дух. Таких больших участков Яновский еще не видел. В Москве он жил уже три года, не раз был у друзей на крохотных, в 5–6 соток, садово-дачных участках, на которых стояли дощатые, выкрашенные яркими красками домики

с крохотными верандами и двумя комнатенками, похожими на четырехспальные купе вагонов, и малюсенькой кухней. Чихни на веранде такой дачи – и ты наверняка можешь услышать с четырех сторон (если с соседями нет вражды) добросердечное «Будьте здоровы!». Со стороны эти скопища дачек Яновскому напоминали многосемейный улей в огромном саду.

На нижнем этаже рубленного из добротных корабельных елей крестового дома Яновский насчитал пять комнат и две просторные веранды, в одной из которых, как ему показалось, витражи, изображавшие старика с сетью в руках и золотую рыбку, представляли художественную ценность. И он не ошибся. Гордей Каллистратович, видя, что его гость остановился как вкопанный, любуясь витражом, не без гордости сказал:

– Это работа теперь уже покойного старика Нестора Гаранина. Слышали такую фамилию?

– Нет, не слышал, – ответил Яновский, не отводя глаз от витража.

– Мастер витражей чуть ли не в десятом колене. Его прапрадед Никодим Гаранин делал витражи в царских чертогах. Ремесло это, а вернее искусство, шло из поколения в поколение. Секрет своей работы Гаранины держали как великую тайну, строже, чем мастера Дамаска, что варили булатную сталь. Нестор умер на девяностом году. Это, – Гордей Каллистратович показал на витраж, – его последняя работа. Он жил тут неподалеку, в деревне Репихово. Жил как отшельник. Дед Нестора вместе с сыном в конце прошлого века делали витражи купцам-миллионерам на Арбате и на бывшей Мясницкой, теперь это улица Кирова.

Бросилась в глаза Яновскому и облицовка камина в гостиной. Рассматривая рисунки изразцов, Яновский выразил восхищение.

– А у вас, молодой человек, есть чутье к истинной красоте. Знаете, чья работа?

Яновский молча пожал плечами.

– Эти изразцы обжигались в гончарной мастерской Врубеля. О его пребывании в имении Саввы Ивановича Мамонтова и о работе в гончарной мастерской вам расскажет экскурсовод музея. Советую вам после обеда посетить наш музей, там есть много интересного. Когда-то, во второй половине прошлого века и в начале нашего века, Абрамцево было средоточием талантов России.

Левее камина до самого потолка возвышался старинный резной дубовый шкаф. На дверцах его бросались в глаза резные нашлапки с охотничьими сюжетами.

– Это, по-моему, тоже старина, – выразил свое мнение Яновский, любуясь шкафом.

– Приобрел случайно в мебельной комиссионке в Ленинграде. Купил, можно сказать, за бесценок, а как смотрится!.. Тоже старина.

Яновский перевел взгляд на картины, висевшие на стене. На одной из них был изображен высокий обрывистый берег речушки с березовой рощицей на взгорке.

– Узнаете? – спросил Гордей Каллистратович, поймав взгляд Яновского.

– Что-то знакомое, но... не узнаю.

– Со станции шли мимо этого пейзажа, когда по мосту у плотины переходили речушку Ворю. Это работа Павла Радимова. Слышали о таком художнике?

– Вроде бы слышал, – неуверенно ответил Яновский, отойдя назад, чтобы как следует рассмотреть картину.

– Умер год назад. Прекрасный художник-живописец и оригинальный русский поэт. Его гекзаметрами восторгались на Капри Горький и Шаляпин. До восьмидесяти лет не дотянул несколько дней. Мы с ним дружили.

– А это? – Яновский показал на картину, выполненную тоже маслом, висевшую левее буфета. – Тоже Павел Радимов?

– Нет, это работа его дочери, Татьяны. Пишет в манере отца и тоже, как и отец, бескорыстна и лишена практицизма. Некоторые наши именитые художники по таланту ей в подметки не годятся, а вышли в академики.

На картине был изображен гигантский дуб на поляне, освещенный ослепительно ярким солнцем. Музейный искусствовед при желании, анализируя картину и давая ей оценку, мог бы наговорить о ней целый короб штампованных фраз, а Гордей Каллистратович ограничился одним едким эпитетом:

– Могуч! Подарок Татьяны Радимовой. Мы с ней поддерживаем дружбу. Пошла в отца. Пишет остроумные поэтические экспромты. Оригинал. А руки как у каменщика. Великая труженица! Работает ежедневно: и в зной, и в лютый холод. И в солнечные дни работает так самозабвенно и лихорадочно, что с лица молодеет лет на десять. Работает по формуле Маяковского.

– Что это за формула? – поинтересовался Яновский.

Гордей Каллистратович прочитал стихи Маяковского:

...Мне и рубля не накопили строчки.
Краснодеревщики не слали мебель на дом.
И кроме свежeweымытой сорочки,
Скажу по совести, мне ничего не надо.

– Правда, насчет белоснежных сорочек притязания Татьяны весьма умеренные, а то, что половину своих картин, как Маша-растеряша, раздаривает налево и направо, – это ее делает белой вороной среди собратьев художников.

Яновский перевел взгляд на две другие картины, висевшие на противоположной глухой стене, но его вопрос предупредил Гордей Каллистратович.

– Это уже менее интересное. Пойдемте, я вам лучше покажу погреб, который я делал вот этими руками. – Гордей Каллистратович вскинул перед Яновским свои широкие, изрезанные морщинами, грубые ладони. – Правда, два халтурщика помогали размешивать раствор цемента и заливать опалубку. Все остальное – сам! Увлёкся этой инженерией так, что даже подумал, что во мне погиб великий строитель. Помню, даже в весе потерял килограммов пять, пока возился с погребом.

Когда спустились в железобетонный погреб-монолит, Яновский поверил, что в жилах его научного руководителя течет кровь строителя. В погребе, сухом и прохладном, вход в который шел через две двери, по стенам тянулись полки из толстенных плах, на которых рядами стояли банки солений, варенья и целые штабеля консервов.

– Как гитлеровский бункер в его ставке, – похвалил погреб Яновский.

– Представьте себе, это сравнение я слышу уже второй раз! То же самое сказал профессор Вознесенский. – Было видно по лицу Гордея Каллистратовича, что сравнение это ему польстило, и он долго не мог погасить на своем лице довольную улыбку. – Огурцы, помидоры солит жена. Варенье – тоже ее работа. Она у меня по рождению крестьянка. Над грядками и в цветнике не разгибаясь колдует с утра до вечера. А по строительству в роли Петра Первого выступаю я. Уж тут – позвольте!..

После осмотра погреба Гордей Каллистратович повел Яновского осматривать душ, который тоже, как и погреб, он делал сам. Со стороны Яновскому это маленькое строение показалось крохотным сказочным теремком: резные наличники у маленького оконца, ручка двери, украшенной резными деревянными нашлапками, была сделана из обработанного корневища, силуэтом своим напоминающего профиль Бабы яги, какой ее рисуют в детских книжках. Над дверью была прибита доска с деревянной резьбой, изображающей рыбу в клешнях у скорпиона. Видя, что Яновский пристально всматривается в рисунок резьбы, рассмеялся.

– Не догадываетесь? – спросил с ухмылкой Гордей Каллистратович.

Яновский пожал плечами.

– Это наш родовой герб. Мой и моей супруги Надежды Николаевны. Она по зодиаку – рыба, а я – скорпион. Но так как Надежда Николаевна считает себя жертвой злосчастного

скорпиона, то она заказала одному студенту Абрамцевского художественного училища вырезать вот этот наш фамильный герб. Сама олифила, сама прибавала. И всегда сама с каким-то особенным волнением объясняет гостям значение герба. Сегодня она колготится на кухне, а поэтому я отбиваю у нее хлеб.

Яновский и Гордей Каллистратович вошли в душевой теремок, в котором за легкой дверцей размещалась мойка, где стоял титан для нагрева воды. Все в душевой сверкало чистотой.

Когда вышли из душа, Гордей Каллистратович вполголоса, словно по секрету, сказал:

– В прошлом году заходил ко мне сосед – генерал, герой Гражданской войны, лихой кавалерист. Его дача неподалеку от моей. По его словам, рубил саблей басмачей в Туркестане «от плеча и аж до самой ширилки» – это его любимое выражение, когда он рассказывал о схватке с басмачами, – так вот, когда он увидел мой душ, то спросил: «Кто делал?» Я сказал: «Столяр-краснодеревщик». Он стал просить у меня его адрес. Я пообещал. Поинтересовался ценой за работу. Я в свою очередь тоже спросил: «А сколько бы вы дали?» Он оглядел душ, зашел внутрь, а когда вышел, то сказал: «Рублей пятьсот – шестьсот за работу дал бы». А генерал среди соседей слышет человеком скуповатым, знает цену копеечке. Я молчу. Он тоже молчит. Вижу, что не отстаёт. «Пожалуй, дал бы и семьсот», – говорит генерал. Я по-прежнему молчу. Он идет дальше и глубже. Видать, заело. «Разумеется, доски, брусья, и гвозди, и весь остальной материал – мой». Я молчанием набиваю цену дальше. Генерал побряхтел-по-бряхтел, еще раз обошел вокруг душ и добавил: «Если человек из Москвы, то и харч мой, комната для отдыха в его распоряжении. Вы мне адресочек, адресочек, а если есть, то и телефон. Мы с ним сговоримся». Я написал на клочке бумаги свой адрес, свою фамилию и отчество и передал бумажку генералу. Нужно было видеть выражение его лица, когда он прочитал записку. Даже рассердился.

Довольный своим рассказом, Гордей Каллистратович смотрел на душ-теремок как на свое любимое дитяще.

– Ничто мне не дает такую радость, как те часы, когда я с ножовкой или с рубанком стою у верстака.

Обходя дачный участок, Гордей Каллистратович вдруг остановился, нагнулся и что-то увидел в траве.

– Проклянул стрелку росток дубка. От желудя. Скоро развернутся два первых листочка, нужно огородить, чтобы не затоптать или не скосить вместе с травой. – Подняв у дорожки половинку кирпича, он положил его рядом с ростком. – Прежний хозяин, покойный генерал Воеводин, был страстный грибник. Он натащил из леса столько грибов, что каждое лето мы только одних белых собираем с участка по шестьдесят – семьдесят грибов. А одно лето Оксана насчитала девяносто девять белых. А сыроежки, подберезовики, подосиновики жарили почти каждый день. А если б вы знали, какая мастерица по засолу Надежда Николаевна! Откроешь банку, и в комнате сразу поплывет запах укропа, чеснока, петрушки, сельдерея, смородиновых листьев... От одного запаха слюной исходишь. Вы назовете это мещанством, а я вам, дорогой Альберт Валентинович, скажу – все это красота жизни. Труд!.. Все это принесено не из магазина, а сделано своими руками, и если не с молитвой, то с душой. Наш род в неисчислимом колене – воронежские крестьяне. Думаю, что это у нас, на воронежском черноземье, сцепились в одну нерасторжимую связку два святых славянских слова: земля-кормилица, земля-матушка. Сцепились и пошли гулять по белу свету.

Гордей Каллистратович и Яновский вышли за калитку.

– Если меня когда-нибудь за какую-нибудь провинность уволят с работы, я пойду гидом в Абрамцевский музей. И буду рассказывать туристам и гостям Абрамцева не только об истории Абрамцева, что запечатлена в экспонатах музея, но и о красоте этого божественного уголка российской природы. Здесь столько родников, столько светозарных полян! По этим местам когда-то ходили знаменитые гости Сергея Тимофеевича Аксакова! Вечером я покажу вам бугор перед

деревней Глебово. С нижней кромки этого бугра Васнецов писал своих «Трех богатырей». А в тихой заводии речки Вори, где и сейчас плавают кувшинки и на берегу растет камыш, Васнецов писал свою знаменитую картину «У омута». Здесь, в Абрамцеве, Гоголь, когда гостил у Аксаковых, пережил свой предсмертный душевный кризис перед тем, как сжечь второй том «Мертвых душ»...

Они шли по асфальтированной дорожке мимо дач академиков, некоторые из них уже умерли, оставив своим наследникам заросшие лесом и кустарником участки, уход за которыми требовал сил, денег и еще чего-то такого, что нельзя купить за деньги, – любви к земле, бережного отношения к красоте благословенных мест.

– Здесь живут только одни академики? – спросил Яновский, когда Гордей Каллистратович замолк, остановив взгляд на калитке дачи, мимо которой они проходили.

– Жили, – грустно произнес Гордей Каллистратович, и по лицу его пробежала серая тень. – Сейчас здесь академиков уже мало. В середине сороковых годов, когда нарезали эти участки, здесь жили и работали одни академики. Причем известные во всем мире. Вот в этой, например, даче живет академик Мстислав Всеволодович Келдыш; вон в той, видите, окрашена в желтый цвет, живет ректор Московского университета Петровский; чуть дальше, отсюда не видать, дача академика Несмеянова... Недалеко от нее – дача академика Семенова. Хотя годы уже его немалые, но он еще бодр. К нему сюда когда-то часто наезжал академик Курчатов.

Скользя взглядом по обветшалому и кое-где повалившемуся штакетнику, который когда-то своей узорной резьбой сливался с хрупкой грацией молоденьких кленов, Яновский сочувственно произнес:

– Заборы рушатся, ворота покосились, краска давно облезла и выпцвела...

– Не тянут наследники, не тянут... Тяжел для них воз. У аптекаря сын может быть аптекарем, у слесаря – слесарем, а у академика или у поэта, в молодости приехавшего в златоглавую матушку в лаптях откуда-нибудь из Рязани или из Тверской губернии, дети, почти как правило, не становятся ни академиками, ни поэтами. А если становятся, то плохими, доморощенными, инкубаторскими. Отцы как бы грабастают себе всю силу рода, оставляя детям только привычки, походку, слабости характера... Во всем остальном обкрадывают потомков на пять-шесть поколений вперед.

– Это что, шутка или плод раздумий? Или даже статистика? – серьезно, но на всякий случай улыбнувшись, спросил Яновский.

– Как проблемой этим вопросом – генетикой талантов и способностей – не занимался, а после того, как прочитал речь одного знаменитого русского писателя над гробом не менее знаменитого соотечественника, то задумался.

– И что же вы заключили из этой речи? – теперь уже без улыбки спросил Яновский.

– Заключил то, что я вам уже высказал: во всякой родовой династии есть свой пик, свой звездный час. А дальше – если не падение в пропасть, то, как правило, крутой спуск, блеск солнца сменяется мерцанием лунного свечения. Когда-нибудь я, может быть, займусь статистикой судеб наследников гениев и великих людей мира сего. А сейчас полюбуйтесь: грустная картина. Почти ни у одного из живших здесь академиков, теперь уже умерших, каждый из которых был заметной вершиной в своей области науки, ни дети, ни внуки еще не сказали своего слова в науке.

Там, где кончалась территория поселка академиков, стояли высокие ворота. Почти сразу же за воротами начинался пологий спуск вниз. Асфальтированная шоссейная дорога расстилась широкой темно-серой лентой, которая за глубокой ложбиной, у пруда, поднималась вверх, разрезая собой зеленое пшеничное поле.

Стараясь мысленно выключиться из разговора, который вел Гордей Каллистратович, зная, что гостя с окрестностями поселка академиков, Яновский некоторое время шел молча и

думал о своем. Не доходя до пруда, Гордей Каллистратович начал разговор о том, во имя чего Яновский приехал на дачу к своему научному руководителю.

– Я прочитал главы вашей диссертации. В целом она сложилась, хотя кое-что в ней придется вам отсечь, кое-что дописать. Главный недостаток вашей работы заключается в том, что некоторые разделы вы засушили абстрактным академизмом, ссылками на классиков. Кое-где вы в этом плане потеряли меру, часто доказываете, что Волга впадает в Каспийское море. Значит, первое – это сократить вдвое цитаты. Эти места я отметил карандашом на полях. В своей работе вы говорите о подростках и о их воспитании в семье только в тот период, когда они находятся под непосредственной родительской опекой. Вы даете множество очень ярких и сочных примеров дурного воспитания, а также воспитания примерного, что называется образцового. И как следствие первого и второго вы показываете результаты. У хороших, умных и нравственно светлых и благородных родителей вырастают дети примерные, преданные Родине, нравственно здоровые. Они у вас поступают в университеты, сознательно после восьмого класса идут учиться в производственно-технические училища и тем самым пополняют передовые ряды современного рабочего класса, который с чьей-то легкой руки провозглашен Его Величеством. Сказано красиво, образно и верно, если отвести от них мусор халтурщиков и пьяниц, у которых трудовая книжка так распухла от вкладышей, что не помещается в кармане. Все это у вас правильно. Но эту эволюцию души подростка вы высвечиваете до момента, когда он становится совершеннолетним, а в других случаях до получения паспорта, который дает право подростку именовать себя гражданином СССР. Эти страницы вашей работы написаны убедительно, ярко. Я это отметил на полях. Хорошо также и то, что вы от начала и до конца в своей работе не забываете главный маяк, освещающий все полотно вашей работы. Старая русская пословица «Яблоко падает недалеко от яблони» живет в диссертации во множестве жизненных вариаций. Эту стержневую мысль вы проводите четко и не навязываете ее, а даете мягко, логично, на типичных примерах, опираясь на партийные документы и высказывания классиков марксизма-ленинизма, а также наших великих педагогов прошлого. – Словно вспомнив что-то очень важное и боясь, что это важное вдруг ускользнуло из памяти, Гордей Каллистратович остановился и достал из нагрудного кармана легкого спортивного пиджака бумажку, развернул ее и пробежал глазами по каким-то заметкам. И тут же, свернув бумажку вдвое, положил ее в карман. – В мои немолодые годы не только серебро лезет в шевелюру, но и каналья память дырявится. – И снова, поднимаясь в горку, некоторое время шли молча. По лицу профессора Яновский видел, что он в уме как бы формирует то, что хочет сказать своему аспиранту. И он не ошибся. – Вторая глава, где вы говорите о воспитании подростка трудом, – продолжал Гордей Каллистратович, – написана грамотно и прочно. Убеждают примеры, никого не повторяете, язык сочный, выразительный, но тему сузили городом. И не городом вообще, а столицей, как будто подростки живут только в Москве. А ведь если говорить о труде и его влиянии на формирование личности подростка глубже, то самым благодатным и убедительным полигоном для доказательства этого тезиса является деревня, село или небольшой городишко. Я сам родился и вырос в деревне. В семь лет я верхом на какой-нибудь Карюхе или Гнедке возил копны, в десять лет на конных граблях сгребал в валки сено. В эти же десять лет запрягал лошадь, начинал с отцом и старшими братьями косить, да уже в пять лет деревенский мальчишка, у которого из ноздрей висит зеленая вожжа, видя, что взрослые пилят дрова, старается включиться в их труд.

– Каким образом? – спросил Яновский, когда профессор смолк и, наклонившись у обочины дороги, сорвал полевую ромашку.

– Очень просто. Садится верхом на бревно, зажимает его своими коленочками, как клещ вцепляется в бревно ручонками и считает, что он держит бревно, он помогает. И он действительно помогает, хотя в нем и пуда-то еще нет вместе с мокрыми подшитыми валенками. А тут еще и отец подхваливает: «Молодец, Мишутка... Держи, а то оно, язви его, катается...» И этот

карапуз, счастливый от похвалы отца, уверовавший, что и он работает, старается изо всех сил держать бревно. Если верна горькая пословица о том, что «река начинается с ручейка, вор – с пяточка, а пьяница – с рюмки», то нужно выдумать пословицу о том, что любовь к труду, как к жизненной необходимости человека, начинается с первых шагов ребенка, когда он из кубиков начинает складывать вначале пирамиду, а потом домики. И так постепенно, постепенно, год от года наращивать и усложнять трудовые операции, чтобы ребенок, а потом уже подросток радовался продуктам своего труда, видел в нем не только утилитарную пользу, но и душевную красоту. – Гордей Каллистратович вдел ромашку в нагрудный карман и наклонился, чтобы сорвать новую ромашку. – Недавно я купил сборник пословиц и поговорок русского народа. В нем собраны крылатые мысли времен писаной истории. Там есть особая глава о труде. Подобраны такие мудрые формулы в оценке труда и его роли в жизни человека, что я читал и восторгался. Хоть бери ручку и выписывай каждый афоризм.

Каждое слово своего научного руководителя Яновский ловил с жадностью. Он даже подумал: «Был бы сейчас портативный магнитофон – включил бы и записал дословно все, что он говорит».

У входа в музей остановились. Гордей Каллистратович показал рукой на аллею старых могучих лип. Некоторые из них уже доживали свой век.

– По этой вот аллее ходили Тургенев, Гоголь, Суриков, Шаляпин, Васнецов... Искусствоведы ее почему-то называют «гоголевской», хотя вряд ли Гоголю в последние годы жизни, когда он находил приют у Аксакова, было до посадки деревьев... Видите, сколько «Икарусов» привезли туристов?! И замечая – год от года Абрамцево все увереннее становится местом паломничества любителей и ценителей искусства.

Яновскому еще издали, шагах в двухстах от ограды музея, бросились в глаза разноцветные одежды туристов, снующих между входом в музей, киоском с сувенирами, кафе и продовольственным магазином. Все одеты модно, празднично, на всех лицах светились улыбки, удовлетворенность, покой... Суббота... Выходной день... Солнечно, тепло. Дремучая листва старых лип не шелохнется. На бетонной площадке рядом с кафе над походной шашлычной клубился дым, и оттуда доносились запахи жареного мяса и лука. У фанерного ларька табунилась очередь за пивом. Просторная площадка для легковых машин была заставлена сверкающими на ярком солнце машинами различных марок и расцветок.

Спускаясь к речушке, Гордей Каллистратович остановился на обочине дороги и взглядом показал вверх ограды музея, за которой на взгорке стояла скамья под стеклянным куполом.

– Видите, это скамья Врубеля. Изразцы и обжиг его собственной работы. Недавно скамью обнесли стеклянным колпаком. Чтобы сохранить для потомков.

– Я бы очень хотел побывать в музее и все это посмотреть, – сказал Яновский, глядя в просветы железной изгороди на возвышавшуюся на пригорке и переливающуюся всеми цветами радуги полукруглую скамью, украшенную врубелевскими изразцами.

– Посмотрите. После обеда. У меня гостит старшая сестра, из Воронежа. Она еще ни разу не была в музее. Оксана вас сводит. Она сегодня свободна. Обратите внимание на избушку на курьих ножках. Сделана по проекту Виктора Васнецова. Неподалеку от избушки церквушка – тоже возведена по проекту Васнецова. – Гордей Каллистратович при подходе к плотине рукой показал влево: – А вон видите: камыши и небольшая заводь, к которой переброшен деревянный мостик?

– Вижу.

– Это то самое место, на котором Виктор Васнецов запечатлел свою знаменитую девочку у омута. Помните эту картину?

– Не помнить ее нельзя, так же как нельзя забыть репинских «Бурлаков» или шишкинских «Медведей», – ответил Яновский, вглядываясь в темный плес, заросший кувшинками и камышом.

– А под нами течет воспетая Сергеем Тимофеевичем Аксаковым Воря. Хотите, прочитаю? – Гордей Каллистратович огляделся по сторонам и, дождавшись, когда Яновский попросит его прочитать, тихо, вполголоса, начал читать стихотворение Аксакова:

Вот, наконец, за все терпенье
Судьба вознаградила нас:
Мы, наконец, нашли именье
По вкусу нашему, как раз.
Прекрасно местоположенье,
Гора над быстрою рекой,
Заслонено от глаз селенье
Зеленой рощею густой.

Там есть и парк, и пропасть тени,
И всякой множество воды;
Там пруд – не лужа по колени,
И дом годится хоть куды.
Вокруг чудесное гулянье,
Родник с водою ключевой,
В пруде, в реке – везде купанье,
И на горе и под горой.

Не бедно там живут крестьяне,
Дворовых только три души;
Лесок хоть вырублен заране —
Остались рощи хороши.
Там вечно мужики на пашне,
На Воре нет совсем воров.
Там есть весь обиход домашний
И белых множество грибов.

Разнообразная природа,
Уединенный уголок!
Конечно, много нет дохода,
Да здесь не о доходах толк.
Зато там уженье привольно
Язей, плотвы и окуней,
И раков водится довольно,
Налимов, щук и голавлей.

– Теперь вам понятно, что такое Абрамцево? – Лицо Гордея Каллистратовича светилось, словно только что прочитанные стихи написал он сам и ждал обязательной заслуженной похвалы.

– Понятно, – улыбаясь, ответил Яновский. Таким простым и душевно распахнутым своего научного руководителя он еще никогда не видел. И тут же подумал: «Правильно сказал какой-то мудрец: «Если ты хочешь до конца узнать человека – побудь у него дома, в семье».

– А ведь Сергей Тимофеевич после приезда из Уфы в Москву почти три года искал «подмосковную». Тогда дачи называли «подмосковными». Это с его-то пониманием и тонким чутьем природы!.. Исколесил вдоль и поперек все Подмосковье, и что же вы думаете? Когда

приехал в Абрамцево, то у него от этакой красотищи дух захватило!.. «Здесь!..» – сказал он сам себе и за ценой не постоял, хотя был не из богатых. Купил. Ну а дальше вам все расскажет сегодня экскурсовод. В музее работают толковые девушки. Почти все с университетским образованием, дипломированные искусствоведы, и главное – любят свое дело. – Поднимаясь в горку от плотины, когда возвращались назад, Гордей Каллистратович снова остановился. Вглядываясь вдаль, на обрывистый берег Вори, на самом краю которого, схватившись корнями, подмытыми внешними водами, свисали над рекой деревья и за которыми начиналась белоствольная березовая роща, он сказал: – А вон там, по ту сторону Вори, на покато бугре, метрах в двухстах от платформы тянется улица художников. – Профессор вздохнул. – Какие мужи некогда ходили по абрамцевским тропинкам: Грабарь, Мухина, Радимов, Герасимов... А вон, видите на бугре, в стайке берез, круглый столик Павла Радимова? Вон он, левее оврага. – Гордей Каллистратович вскинул руку в сторону березовой рощи на бугре.

– Вижу, – ответил Яновский, зорко глядя вдаль.

– За этим столиком Павел Радимов принимал и угощал друзей. С этого столика не раз неслись в сторону Вори гитарные переборы. Старик любил гитару. Пел и сам себе аккомпанировал. Желанным гостем у него не раз был Ворошилов. Нарком любил искусство. В двадцать шестом году сам лично написал письмо Илье Ефимовичу Репину в «Пенаты» с приглашением вернуться на Родину. А перед этим к Репину ездила целая делегация ведущих художников АХХР: Бродский, Радимов, Кацман, Григорьев... Но не уговорили вернуться на родину, не сумели. Старик последние годы был в мощном кольце эмигрантского окружения, к тому же попал под такую власть старшей дочери и жены, что не переборол их, сил не хватило. А как рвался в Россию...

По дороге назад, когда прошли стоянку автомашин перед воротами в музей, Гордей Каллистратович снова вернулся к разговору о диссертации:

– А теперь скажу вам о самом главном, ради чего я пригласил вас для разговора о вашей работе. Слушайте и мотайте на ус.

– Не на что мотать, Гордей Каллистратович, не отрастил еще, – отшутился Яновский. – Все, что скажете, буду задерживать в извилинах серого вещества.

– Это, пожалуй, надежнее. Усы можно сбрить, а эти извилины уничтожает только старуха с косой. Так вот, молодой человек, все ваши конкретные примеры, иллюстрирующие ваш тезис о том, что дурное воспитание там, где в семье пьянство, воровство, разврат, измены, матерщина... – все это дурно влияет на психику ребенка, калечит характер подростка, ожесточает его, учит дурным примерам, толкает к вину, кражам, обману... Когда я читал про этот нравственный мрак в судьбах несовершеннолетних, то мне становилось и горько, и больно: и все это в эпоху развитого социализма, когда деды и бабки этих молодых людей родились при советской власти. – Профессор долго молчал и, словно ища чего-то взглядом, смотрел в сторону пруда, в котором во времена Аксакова водилось много рыбы, а сейчас пруд затянуло камышом и тиной. – Несколько драматических эпизодов в судьбе несовершеннолетних вы в своей диссертации обрываете шаблонной фразой, подобно, например, такой: «А дальше... Дальше Коля Иванов попал на скамью подсудимых и получил два года лишения свободы», или: «В настоящее время Ваня Петров находится под следствием за совершенное им преступление, о котором сказано выше...», или: «Володя Сидоров привлечен к уголовной ответственности за злостное хулиганство по статье двести шестой, часть вторая...» Итак, на протяжении почти всей диссертации вы даете более десяти мрачных эпизодов, и все они обрываются тем, что вы доводите своих несовершеннолетних горемык, которых рисуете как жертв семейных неблагополучий, до скамьи подсудимых, и больше ни слова о том, как складывается их дальнейшая судьба. Сами за ними следом в этот мрачный омут неволи, который находится за колючей проволокой, нырнуть или не решаетесь, или просто боитесь.

– Что вы мне советуете? – спросил Яновский, уже догадываясь, чего от него хочет его научный руководитель.

– Неделю назад у меня была интересная встреча с одним генералом из МВД. Он возглавляет инспекцию по делам несовершеннолетних. Рассказал мне много такого, что может заинтересовать не только вас как диссертанта, но и Академию педагогических наук. Волнует и меня преступность среди несовершеннолетних. Неофициальная статистика, по слухам, тревожная, динамика цифр заставляет задуматься как педагогические учреждения, так и просветительские, а также прессу, литературу, искусство... Я говорил этому генералу о вас и что тема вашей диссертации лежит в сфере функций и задач этой инспекции МВД. Он может вас принять и кое-что посоветовать. А главное – поможет вам связаться с воспитательно-трудовыми колониями, в которых несовершеннолетние отбывают наказание за совершенные преступления. Там идет воспитание трудом. Во власти этого генерала – связать вас также с московскими тюрьмами, их теперь называют изоляторами. Там под следствием содержатся подростки, совершившие преступления. Далеко для этих встреч ездить не придется, все это в границах Москвы и Московской области. Вот там-то администрация этих невеселых учреждений познакомит вас не только с протоколами следствия, в которых не увидишь боль души подростка, так как в протоколах фиксируются только факты, но и с самими оступившимися молодыми людьми. А живое общение – это самое верное в познании человека, его характера, его мышления, его судьбы. А поэтому я бы советовал вам проследить биографии тех подростков, которых вы в своей диссертации довели до порога суда и бросили. Не исключено, что ретроспективно, при общении с таким оступившимся подростком, вы узнаете то, чего не узнали о нем, когда он был на свободе. Теряя свободу, человек почти заболевает острой необходимостью исповедаться, раскрыть душу перед другим человеком, который может понять его боль. Вы меня поняли, чего не хватает в вашей диссертации для того, чтобы она задышала новизной постановки вопроса и методом его решения? В нее ворвется сама жизнь, с ее печалью и слезами, она зазвучит правдой. Вот тогда-то ваша диссертация пойдет без задержки, ей будет открыт зеленый свет-фор для публикации. Советскому читателю не нужны академическая схоластика, круги голых абстракций и псевдонаучность. Вы поняли меня, чего я хочу от вас? – Профессор остановился и строго посмотрел на Яновского, словно желая убедиться – дошло ли до него то, во имя чего он отмерил с ним около пяти километров.

– Понял вас, Гордей Каллистратович, – глухо ответил Яновский.

– Вот вам телефон генерала Богучарова. Его зовут Иваном Николаевичем, – Профессор достал из кармана памятную записку, в которую он заглядывал, когда вышли из поселка академиков и спускались к пруду у дороги. Оторвал от нее лоскуток и подал его Яновскому: – Вот вам его телефон, записал специально для вас, там все есть: имя, отчество и фамилия. Так и скажите, когда дозвонитесь, – от профессора Верхоянского. Генерал вас примет. А дальше вы сами сообразите, как себя вести.

Подходили к взгорку поселка. Справа, на солнечной поляне, стоял громадный, обхвата в два, старый дуб. В дождь под своей густой, непроглядной кроной он мог укрыть взвод солдат. Яновский даже остановился, любясь могучим деревом.

– Узнали? – улыбаясь, спросил Гордей Каллистратович, взглядом окидывая дуб.

– Разве это тот самый?.. – нерешительно произнес Яновский.

– Да, тот самый, что висит у меня в гостинной. У него есть имя.

– Какое?

– Царевич Еруслан. Так однажды я окрестил его в шутку, когда гулял с Оксаной, ей было годика три. С тех пор он для моих домочадцев и для гостей – Еруслан. Привыкли. И всем нравится. И дуб не против. – Профессор, глядя на дуб, говорил так, словно царь-дерево слышало его слова и молчаливо с ним во всем соглашалось. Наш Еруслан стоит, пожалуй, не в одном дворце или на вилле в Японии.

Яновский удивленно смотрел на профессора, и тот понял его недоумение.

– Татьяна Радимова за последние двадцать лет написала его раз сорок: в хмарь, в грозу, под знойным солнцем, под нахлестами ветра... А больше всего – затопленным солнцем. Японцы любят нашу русскую классическую живопись, пейзажи Радимовой покупают в художфонде, не считаясь с ценой. Мне она эту картину подарила. Хотел заплатить – отказалась. Так и сказала: «Вы друг моего папы, а с друзьями отца я денег не беру». Натура щедрая.

Подойдя к калитке своего участка, Гордей Каллистратович сделал резкий жест, чтобы Яновский остановился.

– Я уже говорил вам, что сейчас у меня гостит сестра со своей внучкой. Зовут ее Машенькой. У нее страсть пугать меня, когда я возвращаюсь из Москвы или с прогулки. Когда мы уходили, она с Оксаной пошла в магазин. Так что не удивляйтесь, если на вас из-за кустов с рычанием выскочит это маленькое веснушчатое чудо природы. Сделайте вид, что вы страшно испугались. Она будет безумно счастлива. Поняли меня?

– Изображу! – ответил Яновский, прикидывая в уме, какую физиономию он скорчит, когда на него будут нападать.

Гордей Каллистратович в своих предположениях не ошибся. Когда они вошли на участок и за Яновским звякнула щеколда калитки, из-за густых кустов жасмина в костюмах папуасов – повязка из листвы папоротника вокруг бедер и с распущенными волосами с нечленораздельным гиканьем выскочили Оксана и девочка лет пяти с картонной маской на лице. Они хотели напугать деда и его московского гостя, на что Гордей Каллистратович, подыгрывая внучке, искусно изобразил испуг и тем самым привел девочку в неописуемый восторг.

Яновский при виде Оксаны забыл, что он должен подыграть профессору, изображая испуг перед выскочившими из-за кустов людьми в масках. Он даже забыл про девочку. Стоял и растерянно смотрел на высокую, красивую дочь своего научного руководителя, на лице которой вместо ожидаемого им выражения – «Я тебя сейчас съем!..» – цвела озорная солнечная улыбка и удивление.

– Сдаюсь!.. Сдаюсь!.. – запричитал Гордей Каллистратович и, подняв руки, остановился перед внучкой как вкопанный.

Дочь своего профессора Яновский видел впервые.

Там, где перед человеком предстает молодость, красота и грация, там не нужно времени, чтобы анализировать, что в женщине хорошо и что в ней плохо. В гибкой и стройной Оксане все Яновскому показалось прекрасным. В растерянности он остановился, по-прежнему не обращая внимания на девочку, как серебряный колокольчик залившуюся в счастливом смехе и хлопающую от восторга в ладоши. Она «испугала» деда. На гостя, стоявшего за спиной деда, она не обратила внимания.

Оксане Яновский показался не простачком. Наметанным взглядом молодой женщины, которая уверена в том, что она нравится мужчинам, Оксана поняла по выражению лица гостя, а скорее почувствовала, что она произвела на него впечатление. И она не ошиблась.

– Прошу познакомиться... Это моя дочь-неслух Оксана свет Гордеевна. А это, – профессор положил руку на плечо Яновского, – мой аспирант. К сорока годам планирует стать академиком, Альберт Валентинович Яновский.

Дальше, как и всегда в таких случаях: рукопожатие, приветливые улыбки, традиционное «очень приятно»...

Оставив Яновского с дочерью и с Машенькой, Гордей Каллистратович скрылся за кустами орешника и направился к даче. Наступила минута, которая почти при всяком знакомстве бывает сложна тем, что люди не сразу находят повод для первых слов общения. Этот повод нашла Оксана. Как бы продолжая тон отца, которым он только что представлял Яновскому дочь, называя ее «неслухом», она сдернула с лица девочки картонную маску, и перед Яновским предстало румяное, курносое личико, осыпанное крупными рыжими веснушками.

– А это... – слегка приседая, Оксана сделала нечто похожее на реверанс, – моя двоюродная племянница из Воронежа. Зовут ее Машенькой. Подпольная кличка – Подсолнушек. Ее любимое хобби – разыгрывать перед московским дедушкой и воронежской бабушкой сценки из русских народных сказок. Главной помехой в жизни Подсолнушек считает свои веснушки. Но безнадежностью не страдает. После того как дедушка сказал, что если она утром и вечером будет умываться из родника у Яснушки, то она будет самой красивой во всем мире и все веснушки с лица ее соскочат сами. Теперь по совету дедушки наш Подсолнушек бежит к роднику два раза в день – утром и вечером.

Нетерпеливо дождавшись, когда наконец Оксана представит ее, Машенька, картавя, звонким голосом выпалила на одном дыхании:

– Когда тетя Оксана была в Ленинграде, мы на родник ходили с дедушкой и бабушками. А теперь я буду ходить с тетей Оксаной. Посмотрите на нее – какая она красивая!.. Это потому, что, когда она была маленькая, она утром и вечером тоже умывалась из родника. И у нее нет ни одной веснушки, все соскочили сами.

Присев на корточки и не сводя умиленных глаз с Машеньки, Яновский откровенно любовался девочкой.

– Машенька!.. Ты – чудо!..

– Нет, я не чудо!.. Я – Машенька! – сердито запротестовала девочка, и это рассмешило Яновского и Оксану. – А вы пойдете с нами вечером на родник?

Яновский поднял вопросительный взгляд на Оксану.

– А это как скажет тетя Оксана. Если она пригласит меня – я пойду с вами.

Боясь, что Оксана не пригласит гостя на родник, Машенька запальчиво проговорила:

– Я приглашаю вас!.. – На слове «я» она сделала усиленное ударение. И тут же, словно боясь, что Оксана не присоединится к ее желанию, подняла на нее умоляющий взгляд. – Тетя Оксана, ну пригласите дяденьку. Он тоже хочет быть красивым.

Подыгрывая Машеньке, Оксана тоном, каким часто разговаривают с малыми детьми, когда они озоруют, сказала:

– Дяденька Альберт, мы приглашаем вас пойти с нами вечером на родник. Вы хотите быть еще красивее? – Оксана обожгла Яновского озорной улыбкой.

– А это как скажет твой дедушка. Если он не запретит мне пойти с вами, я с превеликим удовольствием разделю вашу компанию. – Яновский внешне обращался к Машеньке, а смысл слов был адресован Оксане, и она правильно поняла его: он хочет быть рядом с ней, только пока не знает, как отнесется к этому ее отец.

И, как бы продолжая игру в «испорченный телефон», Оксана все тем же тоном увещания взрослого в адрес ребенка сказала:

– Машенька, скажи дяде Альберту, что ты очень попросишь дедушку, чтобы он разрешил ему пойти с нами на родник.

Обрадовавшись, что дядя Альберт готов пойти с ними на родник, Машенька воскликнула:

– Я сейчас очень попрошу дедушку!.. – и, тут же сбросив с себя набедренную повязку из папоротника, кинула ее в траву и скрылась за кустами орешника. – Деда- а-а!.. – послышался из-за кустов ее звонкий голос.

Оксана подняла на Яновского свои большие выразительные глаза, в которых трепетал дразнящий вызов, и, видя смущение гостя, сказала:

– Если вы в самом деле хотите разделить с нами компанию вечерней прогулки на родник, то положитесь на Машеньку. Она это сделает. С ней не бывает скучно.

– Я... тоже хочу вместе с вами умыться родниковой водой, чтобы хоть капельку походить на вас, – польстил Оксане Яновский.

Обедали в саду, под шатром огромной ели, за большим круглым столом, посреди которого попухивал паром медный тульский самовар с множеством медалей на его сверкающих округлостях.

На десерт был подан торт, привезенный Яновским. Машеньке торт так понравился, что она съела два больших куса и готова была есть еще, но ее пристыдила воронежская бабушка.

– Машенька, нехорошо!.. Ты не одна за столом... Да и побереги свой животик. А то лопнешь.

Машенька недовольно нахмурилась и вылезла из-за стола. Когда проходила мимо Яновского, он задержал ее, наклонился к ее уху и заговорщицки шепнул:

– Вечером, когда пойдем на родник, мы там найдем на тропинке шоколадку.

Машенька обрадованно закивала головой и, увидев бабочку, побежала за ней.

Перед тем как выйти из-за стола, Гордей Каллистратович серьезно посмотрел на сестру, на Яновского и перевел взгляд на дочь.

– Объявляю программу второй половины дня. – Для значительности помолчал и с той же непререкаемой серьезностью хозяина продолжал, глядя на дочь: – Оксана Гордеевна, у нас сегодня гости. Они еще не видели знаменитого аксаковского музея! Даю вам на этот экскурс три часа: с пятнадцати тридцати до восемнадцати тридцати. В девятнадцать ноль-ноль — легкий ужин. В двадцать ноль-ноль, – Гордей Каллистратович перевел взгляд с дочери на Яновского, – Подсолнушек в сопровождении тетушки Оксаны и Альберта Валентиновича совершает свою ритуальную прогулку к роднику. Вам тоже, Альберт Валентинович, советую последовать примеру нашего Подсолнушка. А после программы «Время» смотрим французский детектив. После кино получасовая прогулка, и в двадцать три ноль-ноль – отбой. – Гордей Каллистратович обвел всех сидевших за столом наигранно суровым взглядом и непререкаемым тоном изрек: – Надеюсь, программа всем ясна?

– Ясна! – с готовностью ответил Яновский. – Принимаем!..

– Ты диктатор, папа! – капризно замахала руками Оксана.

– А кто будет мыть посуду? – гулко вздохнула Надежда Николаевна. – Все я да я...

– Наденька! – со страдальческим видом приложил к груди руки Гордей Каллистратович. – А я-то на что?.. Помогу.

Вторая половина дня и вечер прошли по расписанию, намеченному Гордеем Каллистратовичем.

После вечерней прогулки Яновскому была отведена комната на втором этаже, над комнатой Оксаны. Окно его комнаты выходило на цветник. Взволнованный впечатлениями дня, Яновский долго не мог заснуть. Через раскрытое окно слышались приглушенные расстоянием звуки проходящих мимо Абрамцева тяжело груженных товарных поездов, со стороны деревни Глебово и с подсобного хозяйства дома отдыха время от времени доносился собачий лай. И... вдруг, разрезав вязкую тишину сада, защелкал соловей... Казалось, что он примостился где-то метрах в десяти от веранды и разливал по саду свои многоколенные рулады.

В памяти Яновского прожитый день проплывал в зримых подробностях. Насмешила Машенька... Она умывалась из родника так старательно и так долго, а потом так пристально рассматривала в зеркальце свое личико, что Яновскому стало жалко это доверчивое крохотное создание, которому так хотелось быть красивой. Девочка заметно огорчалась, когда убеждалась, что и на этот раз с ее щек и с носа не соскочило ни одной веснушки.

Когда с наполненными до краев бидончиками поднимались от родника, Оксана, увлеченная рассказом о том, какими красивыми бывают в Ленинграде белые ночи, нечаянно оступилась, вскрикнула, глухо простонала и дальше идти не могла. Оставив бидончики у родника, Яновский наказал Машеньке, чтобы она их немного покараулила, а сам, легко подняв Оксану на руки, понес ее к ближней просеке, где бережно посадил на пенек, потом спустился к род-

нику за Машенькой и за бидончиками. Присев на корточки, он долго и старательно массировал ногу Оксаны. Причем массировал с таким видом, словно он был специалист по массажу.

– Кажется, уже не болит, – расслабленно и тихо сказала Оксана, тронутая заботой Яновского. – Пожалуй, теперь могу идти сама.

И они пошли. Оксана слегка припадала на левую ногу. Первой шла по узенькой натопанной дорожке Маша, за ней – Оксана. Замыкал цепочку Яновский, неся в руках два эмалированных бидона.

До самой калитки дачи, на ходу переговариваясь с Оксаной, Яновский искоса пожирал ее глазами, а сам думал: «Что?.. Что нужно сделать, чтобы встреча эта не была первой, и последней? Какие особенные, неотразимые слова я должен сказать ей при следующей встрече, чтобы они не были банальными и не оставались без ответа?..»

...И эти слова нашлись во время вечерней прогулки. О подвернутой ноге Оксана забыла. Но не забыл Яновский. На его вопрос: «Как нога?» – она ответила с приглушенным вздохом:

– Вроде бы ничего, но все-таки немного побаливает. Боюсь, что на французской выставке из-за ноги побывать не придется. Всю ночь за билетом выстоять не смогу. Так жаль.

«Она первой бросила якорек в бухту наших будущих встреч, – обрадованно подумал Яновский. Лежа с закрытыми глазами, сам себе улыбался. – Умница!.. А я-то, дубина, потел, напрягал мозги, искал повода для встречи, а она вроде бы шутя взяла и бросила мне, как утопающему паникеру, веревку и вытащила на берег. Но и я не растерялся. Так же изъявил огромное желание посетить французскую выставку. И как ловко наврал, что в музее Изобразительных искусств у меня есть хороший знакомый искусствовед и он легко может достать билеты. И она тоже – тактик. Сразу же ухватила за эти мои связи». Мысль работала четко. Яновский уже подбирал слова, с которыми он завтра же обратится к жене, чтобы Валерий пожертвовал ночь и постоял за билетами на выставку французских художников. Все-таки дочку научного руководителя нужно уважать...

В ушах его звенел смех Оксаны и ее слова, в которые, как ему показалось, был вложен особый смысл. Слова эти были не просто брошены на ветер: «Альберт Валентинович!.. Что же вы стоите?.. Умывайтесь!.. Будете еще красивей!.. Хотя это уже почти невозможно. Всему есть своя мера!..»

Убаюканный дыханием теплой ночи, затопленной руладами неумолкающего соловья, Яновский не заметил, как уснул.

Глава четвертая

Жизнь Яновского сложилась как-то так, что, несмотря на свою молодость, ему посчастливилось общаться с людьми высокого положения. Но эти «авторитеты» в основном были представителями науки. Людей военных он считал особой кастой, непонятной ему, не служившему в армии. И каким-то особенным, высшим кланом в людской иерархии он считал генералов, которых видел в кинофильмах, в спектаклях, где их действия были, как правило, решающими, где их воля всегда была диктующей, их гнев – опальным для тех, на кого он обрушивался.

Правда, раза два или три за годы жизни в Москве Яновский видел генералов в метро и однажды в автобусе, – как на грех, в час пик. А однажды видел уже далеко не молодого генерала в очереди в Елисеевском магазине, в отделе вин. Какими-то «негенеральскими», невсамделишными они показались ему в круговерти метровских посадок и в толчее магазинной очереди, даже как бы затюканными, вроде бы в чем-то виноватыми перед окружающими. Всем своим видом они выражали усталость и страдание, смешавшись с людской пестротой просто-народа.

И вот ему предстояла встреча с генералом, о котором профессор Верхоянский говорил как о человеке высокой культуры и занимающем ответственный пост в Министерстве внутренних дел. Волновало Яновского еще и то, что, по заверению профессора, этот генерал сможет дать новый ориентир в работе над диссертацией.

Не без волнения Яновский поднимался по широкой лестнице на третий этаж четырехэтажного здания, которое знает почти каждый москвич, как знает и тот серый дом с гранитным цоколем, что стоит за спиной памятника Феликсу Дзержинскому.

В просторной приемной генерала, к которому у него был выписан пропуск, за столом, заставленным несколькими телефонами, сидел дежурный офицер с погонами капитана.

– Вы Яновский? – спросил капитан.

– Да.

– Минуточку. – Капитан скрылся за высокой дубовой дверью и тут же возвратился в приемную. – Пожалуйста.

Просторный кабинет с тремя окнами, выходящими на улицу Огарева, разделяла пополам длинная ковровая дорожка.

Не таким представлял себе генерала милиции Яновский, а поэтому до самого последнего момента чувствовал скованность и волнение. Однако стоило ему закрыть за собой дверь и встретиться взглядом с мужчиной средних лет и попасть под власть его откровенной обаятельной улыбки, как на душе у него не только отлегло, но и сразу же как-то просветлело. Было что-то по-русски богатырское во всем облике генерала, в широком развороте его плеч, которые в сочетании с высоким ростом могли бы являть собой классическую пропорцию телосложения человека. А однажды, это было лет пять назад, генерал, отпустив свою персональную машину, прогуливался по Тверскому бульвару в ожидании жены, которая должна была подъехать на такси к началу спектакля в театре Пушкина. Времени до начала спектакля оставалось не больше десяти минут, и к нему, как на грех, пристал длинноволосый, высокий и уже немолодой и плохо одетый человек, который с первых же слов представился художником-портретистом, показывал генералу (он был в штатском костюме) свое засаленное удостоверение члена МОСХа и чуть ли не умолял попозировать ему несколько сеансов. Глаза художника горели так, словно он нашел натуру, которую искал полжизни.

– Да что вы нашли во мне особенного?.. Я всего-навсего костромской мужик, приехал в гости в Москву к брату и решил сходить в театр. И вот жду жену. А ее все нет и нет.

– Вы даже не представляете – у вас прекрасная фактура! Вы – копия одного из гениальных людей мира!.. – бил себя кулаками в грудь художник. – Я же не любитель, я професси-

онал!.. Мои портреты много раз экспонировались на московских и всесоюзных художественных выставках!.. Пожалуйста, дайте ваш телефон и адресок, я приеду к вам в Кострому, и мы напишем такой портрет, что Москва ахнет!.. Главный редактор «Огонька» даст репродукцию в своем журнале, вас узнают миллионы!.. Вы же двойник Шляпина!..

Неизвестно, до какого стенания дошел бы художник, если бы за пять минут до начала спектакля из такси у самого подъезда театра не вышла жена генерала и, махнув ему рукой, не крикнула: «Ваня!.. Торопись! До начала две минуты!..»

Оставив обескураженного художника, генерал поспешил к входу в театр, так и не дав ему ни своего «костромского» адреса, ни телефона.

Но художник оказался упрям. Он все-таки решил дожидаться конца спектакля, чтобы продолжить разговор с генералом. Генерал догадался об этом во время антракта, когда, выйдя покурить, увидел его через окно вестибюля. Время от времени нервно отбрасывая пятерней нечесаную черную гриву волос, падающих до плеч, художник вышагивал по тротуару и, судя по губам, о чем-то разговаривал сам с собой. Генерал по телефону-автомату вызвал дежурную служебную машину и сразу же после спектакля, второй акт которого он смотрел рассеянно (не выходил из головы художник), смешавшись с первым валом высыпавшей из театра публики, как вор, юркнул с женой в машину и приказал шоферу:

– Скорее!.. Если вон тот волосатик будет останавливать машину, дай ему сигнал – и полный вперед! Только не задави. Это – фанатик.

Об этом случае генерал рассказывал профессору Верхоянскому, и тот всякий раз, когда говорил о генерале, вспоминал этот курьезный случай и однажды поведал о нем Яновскому. И вот сейчас, стоя друг против друга, Яновский вспомнил рассказ профессора о художнике, признавшем в генерале двойника Федора Шляпина. «Художник был прав! – мелькнула мысль. – Генерал зря от него отбился. Портрет мог бы получиться прекрасным. Фактура живописная, и есть что-то шляпинское...»

Пожатие руки генерала, вышедшего для приветствия из-за стола, было твердым, с захватом. Яновский про себя успел подумать: «Рука каменотеса». Китель с генеральскими погонами висел на спинке стула, стоявшего рядом с его креслом. На золотых с тиснением погонах темнело по одной большой звезде. На генерале была белоснежная сорочка с форменным галстуком. Бросились в глаза Яновскому и его модные серебряные запонки с малахитом. Уж в чем, в чем, а в мужских запонках Яновский знал толк. Когда-то в молодости он начал их коллекционировать, но вовремя остановился. Волосы генерала цвета переспевшей ржи были гладко зачесаны на пробор, светло-серые глаза, отдающие голубизной, когда он улыбался, и слегка удлинненный овал мужественного лица выдавали в нем классический образ великоросса, какими они часто предстают перед нами на картинах русских художников прошлого века.

– Прошу садиться, – генерал взглядом указал на стул, стоявший у приставного столика, вплотную примкнутый к большому письменному столу и образующий с ним одну плоскость.

Яновский сел и тут же заметил, что генерал нажал кнопку в селекторе.

– Слушаю вас, товарищ генерал! – раздался за спиной Яновского приглушенный голос дежурного капитана.

Генерал взглянул на наручные часы и бросил через плечо Яновского капитану:

– Двадцать минут меня не будет.

– Понял вас, – четко ответил капитан, и Яновский услышал за своей спиной глухой хлопок притворенной двери.

– Говорил мне о вас Гордей Каллистратович. Просил помочь, чем можем, – сказал генерал, пододвигая Яновскому пачку сигарет. – Курите?

– Спасибо... – Яновский размял сигарету, прикурил от зажигалки генерала, протянутой через стол.

– Как точно формулируется тема вашей диссертации? – спросил генерал.

Яновский назвал тему. Генерал встал, прошелся вдоль стола, опустив голову, словно что-то выискивал глазами на солнечных квадратах до блеска натертого паркета.

– Замах широкий. На эту тему можно написать десятки фолиантов. Жгучая социальная проблема!.. – И он почти по слогам повторил тему диссертации Яновского: – «Воспитание подростка в семье». Я бы эту тему сузил до такой примерно формулировки: «Педагогические срывы в воспитании подростков в семье и их последствия».

– У меня эта тема, Иван Николаевич, идет отдельной главой, – вставил Яновский, воспользовавшись паузой генерала.

– В одной главе этой теме, пожалуй, будет тесно. А впрочем, не я вам судья. У вас все утверждено на кафедре, оговорено с научным руководителем, и, как мне представляется, у вас не за горами защита. Я правильно говорю?

– Да, месяца через два-три планируется защита. – Яновский почувствовал, что перед ним не просто генерал, наделенный высокой административной властью, но человек образованный, мыслящий глубоко и остро.

– Какую бы помощь вы хотели видеть со стороны нашего министерства, а если точнее – со стороны инспекции по делам несовершеннолетних?

– В главе, как вы ее назвали, «Педагогические срывы в воспитании подростка в семье и их последствия» у меня все примеры негативной педагогики заканчиваются тем, что мои подростки, как правило, становятся объектами карательных функций государства.

– То есть, проще говоря, на них заводится дело, их сажают в следственные изоляторы, если в этой мере пресечения есть необходимость, а потом предают суду? Вы это хотели сказать?

– Да, вы правильно меня поняли, Иван Николаевич.

– И чего же вам недостает в вашей работе?

– Мой научный руководитель на этот счет выразился образно: конкретных лиц с нелегкой драматической судьбой в своей диссертации я довожу до скамьи подсудимых, а дальше не решаюсь, как он выражается, нырнуть следом за ними в омуток неволи, чтобы посмотреть, как они там живут, как страдают, как трудятся...

– Сказано броско, с претензией на красивую аналогию, но, существу, глубоко ошибочно. Воспитательнотрудовые колонии в нашей стране – это совсем не омут неволи, где гибнут люди, а строгая трудовая вахта, которая закаляет волю, укрепляет нервы и дает подумать молодому оступившемуся человеку над тем, как он жил до этого «омута» и как ему предстоит жить дальше. Следственный изолятор и колония трудового воспитания располагают к размышлению. Там на это хватает времени. – Генерал опустил в кресло, закурил и, постукивая дымящейся сигаретой о ребро мраморной пепельницы, продолжал: – А то, что конкретные надломленные судьбы молодых людей вы в своей диссертации не проследиваете на дорогах, по которым они идут со скамьи подсудимых, – это пробел в вашем исследовании. Опираясь на собственный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями, заверяю вас, что никогда подросток не бывает таким исповедально искренним, каким он бывает, когда его лишают свободы, когда он на мир взирает через решетку толстых стен тюрьмы или через колючую проволоку. Это очень тяжело. Он перед вами вывернет наизнанку душу, поведаст о многом, расскажет правду, которая ему открылась только после того, как за ним закрылась железная дверь тюремной камеры. Из руды его биографии вы извлечете такие самородки идей и обобщений, которые диссертацию вашу поднимут на несколько витков выше, в нее ворвется свежий ветер жизни, и эта жизнь, с ее горечью, болью и слезами, смоем со страниц вашей диссертации всю пену псевдоакадемических абстракций, на схеме которых нынче многие ловкачи от науки лепят, а точнее – монтируют свои диссертации и научные монографии. – Генерал о чем-то задумался, отчего брови его изогнулись крутыми дугами и сошлись у переносицы, образовав глубокую поперечную морщину. – Хотите послушать мой совет?

– Очень хочу! – искренне сказал Яновский, перед которым генерал с каждой минутой открывался все новой и новой гранью незаурядного интеллекта.

– Я хочу вас связать с одним из московских изоляторов, – сказал генерал, пристально глядя в глаза Яновскому.

– То есть с тюрьмой? – выдохнул Яновский.

– Да, с тюрьмой, если вам больше нравится старое название этого учреждения. Вы там увидите столько и почувствуете, сидя с утра до вечера в Ленинской библиотеке. Довольно мелкими будут и ваши нырки в судьбы оступившихся несовершеннолетних, если вы ограничите себя застольными беседами-интервью с инспекторами в отделениях милиции. Это нужно, но этого мало. Там, в отделениях милиции, вы не почувствуете той высокой температуры человеческого страдания и боли, которые откроются перед вами в стенах изолятора и за колючей проволокой трудовых колоний. Вы меня поняли?

– Я вас понял, Иван Николаевич! – с готовностью хоть сейчас ехать в следственный изолятор или в колонию несовершеннолетних ответил Яновский. – Но как это сделать? Ведь изолятор это... Туда не всех пускают.

– К нашему счастью – не всех.

Генерал смахнул со стола сигаретные табачинки. Нажав кнопку селектора и получив ответ «Слушаю вас», сказал:

– Анатолий Михайлович, у меня к тебе просьба.

– Слушаю вас, Иван Николаевич, – неслось из селектора.

– У меня сейчас сидит аспирант из педагогического института. Его фамилия Яновский, зовут Альбертом Валентиновичем. Ему нужно помочь.

– В чем? – прозвучал в селекторе голос.

– Он пишет диссертацию о трудных подростках. Один из главных вопросов его диссертации – несовершеннолетние правонарушители. Подростки, ставшие жертвой семейных мерзостей: пьянства, скандалов, измен, лжи и разного рода издевательств над несовершеннолетними...

– Что я должен сделать, Иван Николаевич? – звучало в селекторе.

– Свяжите его с первым изолятором. Ведь подростки в основном у нас там?

– Там, Иван Николаевич!

– Свяжи Яновского, не забудь имя-отчество – Альберт Валентинович... Так вот, постарайся связать его с начальником изолятора. Хотя служба эта нам не подчиняется, но согласуй это посещение со следственным управлением. Попроси от моего имени, чтобы Яновскому выписали пропуск в первый изолятор. Он к тебе зайдет через пять минут. От моего имени передай начальнику изолятора, чтобы он организовал аспиранту встречу с теми подследственными подростками, которые стали жертвами семейных безобразий. Все остальное он объяснит начальнику изолятора сам. Если для этих встреч будет необходимо разрешение следователей, ведущих дела, то подскажи, как это сделать. Вы меня поняли?

– Понял вас, Иван Николаевич!

– Выполняйте! – Генерал нажал кнопку селектора и посмотрел на часы. – Ну, кажется, якорь брошен.

– Брошен, Иван Николаевич. Жалею только об одном.

– О чем?

– Если бы эта встреча была три года назад!.. – Яновский гулко вздохнул и поправил галстук. – Очень жалко, что мое время истекло.

– И что бы было, если бы наша встреча состоялась три года назад?

– Свою тему без берегов я сузил бы до той, какую вы только что назвали.

– Ничего, у вас впереди вечность. Гордей Каллистратович сказал мне, что вы сделали в издательстве «Знание» заявку на брошюру?

– Да. – Яновский удивился осведомленности генерала.

– Вот в ней-то, в брошюре, после того, как вы поработаете в нашем первом московском изоляторе, вы напишете то, что будет иметь берега и будет, как теперь принято говорить, большое воспитательное значение. И адресовать эту книгу родителям, которые должны заботиться о судьбе своих детей, когда они еще «лежат поперек лавки».

Яновский встал, слегка поклонился.

– А я могу проконсультировать то, что я напишу, когда поработаю в изоляторе?

– Разумеется, можете.

– У кого?

– Если доверяете – я к вашим услугам. – Генерал встал, вышел из-за стола и крепко пожал руку Яновскому. – Желаю удачи. Мой телефон у вас есть. А сейчас зайдите к моему заместителю. Его кабинет этажом ниже. Комната сорок восемь. Полковник Бекетов Анатолий Михайлович. Он сделает все, что в наших силах. Он вас ждет.

Уже в коридоре, выйдя из приемной генерала, Яновский посмотрел на часы. «Ничего себе, вместо двадцати минут – полчаса. Прощаясь, даже вышел из-за стола... Как примет меня полковник Бекетов? – думал Яновский. – Генерал принял по высшему классу. Умен, деловит, благороден...»

Глава пятая

За семь лет работы инспектором по делам несовершеннолетних в отделении милиции, куда она попросилась сама при распределении после окончания юридического факультета Московского университета, Калерия впервые столкнулась с тем, когда подросток сам, добровольно пришел в комнату по делам несовершеннолетних и излил не только всю боль своей души, но и раскрыл свои планы, которые он, как великую тайну, хранил от родных и друзей. Обычно «трудных» подростков, которые уже обеими ногами стоят на тропинке правонарушений, в милицию для беседы с инспектором (а кого и для постановки на учет) вызывают повесткой на дом или через школу. Бывало, что Калерия и сама приходила на квартиру молодого человека или девушки, если наступала тревога за их поведение. Во всяком случае, как наблюдала Калерия, почти каждое знакомство подростка с комнатой по делам несовершеннолетних было своего рода драматической полосой в биографии человека, еще не дожившего по возрасту до паспорта или только получившего его, а тут вдруг – на тебе, явился сам и, волнуясь от напряжения, попросил, чтобы его выслушали и посоветовали, что ему делать дальше.

– Ваша фамилия и имя? – спросила Калерия, с ног до головы окидывая взглядом высокого сероглазого паренька, который сразу же, с первой минуты вызвал у нее доверие.

Она уже давно заметила, что совершившие правонарушение подростки, перешагивающие порог милиции не по своей воле, во время беседы почти никогда не смотрят в глаза тому, с кем им приходится вести официальный разговор. Правда, пока еще не допрос, а всего-навсего лишь беседа, если причина, приведшая молодого человека в милицию, связана с правонарушением. А этот, переминаясь с ноги на ногу, смотрит на нее такими широко раскрытыми, доверчивыми глазами, что в первую минуту Калерия несколько смутилась. Пока еще не только не догадывалась о причине прихода молодого человека в милицию, но даже подумала: не ошибся ли он адресом?

– Моя фамилия Таранов, Константин... – застенчиво проговорил молодой человек.

– Пожалуйста, присаживайся, Костя, и рассказывай: кто ты и каким ветром занесло тебя в наши края? – Калерия показала на стул, стоявший у стола, а сама, чтобы разрядить обстановку напряжения первого знакомства с подростком, стала перебирать в вазе цветы, выбрасывая из букета слегка увядшие и поправляя те, что она оставляет в вазе.

– Я учусь в ПТУ. На последнем курсе... – глухо покашливая в кулак, начал Костя, но Калерия, извинившись, перебила его:

– Пожалуйста, скажи свой адрес. Это полагается по форме. Меня зовут Калерия Александровна.

Костя сказал свой адрес, и Калерия записала его.

– Ну, а теперь я тебя слушаю.

С минуту Костя, насупившись и нагнув голову, молчал, не зная, с чего начать. Потом наконец заговорил:

– Калерия Александровна... Дальше так нельзя... Нет больше сил смотреть, как он мучает и унижает мать. И это с тех пор, как я себя помню. Бьет ее чуть ли не каждый день. Последний год озверел окончательно.

– Кто?

– Отец.

– Где он работает? Кем?..

– Грузчиком в овощном магазине.

– Пьет?

– Не то слово. Трезвый – человек, а как выпьет... – Костя вздохнул и ладонью вскинул упавшую на глаза прядь русых волос. – А последний год пьет каждый день. – От стыда за пове-

дение родного отца, не поднимая глаз, он продолжал: – Однажды я был уже на грани, хотел задушить его сонного или отравить, уже приготовил отраву, но вовремя одумался. Несколько раз пытался защитить мать, но все кончалось тем, что он избивал меня так, что неделями не ходил на занятия, был весь в синяках. Не знаю, что дальше делать. Пришел к вам посоветоваться. О вас очень хорошо говорят ребята с нашего двора.

– Отец проживает с вами? – Калерия взяла ручку, чтобы что-то записать.

– С нами.

– Его имя и отчество?

– Николай Иванович.

– Тоже Таранов?

– Да.

– В каком магазине он работает?

– На нашей же улице, рядом с гастрономом, в доме восемнадцать.

– И давно он работает грузчиком?

– Два года.

– А до этого?

– До этого работал таксистом в Тринадцатом таксомоторном парке.

– И тоже пил?

– Пил, но не так... За пьянку и уволили.

Калерия, словно вспомнив что-то знакомое и печальное, вздохнула.

– Все понятно... В каком ПТУ учишься?

– В электромеханическом, на Шаболовке.

– И как успехи?

– В училище вроде бы хвалят. – Застенчивая, виноватая улыбка вспыхнула и тут же потухла на губах Кости.

– А где работает мать?

– Ткачиха... на «Трехгорке».

– В чем, на твой взгляд, причина такого поведения отца?

– Он ревнует мать, – не отрывая от пола глаз, ответил Костя.

– К кому?

– Даже сам не знает к кому. Мама работает в цеху, где одни женщины. С работы летит пулей. В магазин и из магазина ходит чуть ли не бегом, даже соседи смеются. Когда бывает трезвый, иногда винит себя за побои, просит прощения, а как напьется, так все начинается сначала.

– Соседи знают, как отец в пьяном виде издевается над матерью?

– Еще бы!.. Не раз хотели писать на него в милицию, да их мать отговаривала, все надеется, что утихомирится. На работе тоже хотели вмешаться, но мать упростила не делать этого. Боится отца. Пригрозил, что убьет.

Калерия закурила и, словно что-то прикидывая в уме, долго смотрела на Костю, потом пришло решение.

– Я помогу вам с матерью, только прошу тебя, Костя, об одном – ты не мешай мне и о том, что был у меня, матери не говори, она из жалости и из боязни может сорвать мои планы.

– Я могу их знать?.. – Большие серые глаза Кости, в которых стыла немая тревога, остановились на инспекторе.

– Обязательно! – твердо ответила Калерия. – Запомни одно: все эти сигналы на бытовое хулиганство отца поступили в милицию не от тебя, а от соседей. Это во-первых. Во-вторых, как только он начнет пьяный дебош – сразу же, немедленно позвони мне, я постараюсь, чтоб за ним пришла патрульная милицейская машина и его увезли в вытрезвитель. Потом по решению суда суток пятнадцать он поработает на очистке дорог за мелкое хулиганство, а за эти пятнадцать

дней мы подготовим все необходимые документы для суда, чтобы отца твоего направить на принудительное лечение от алкоголизма. Отца нужно спасать.

Костя смутился, не зная, что ответить инспектору. Потом ответил:

– А не строго ли – сразу? Может, сначала поговорить с ним? Ведь суд – это как-то... Отец же он мне.

Калерия что-то записала в настольном календаре, печально улыбнулась и сожалеючи посмотрела на Костю.

– Дорогой Костя, за годы работы в инспекции я провела столько бесед с отцами-алкоголиками, что наконец прозрела и поняла: все мои усилия были напрасными. Алкоголик – это человек особый. Трезвый он готов каяться, давать клятву, что больше никогда не позволит ничего неприличного, даже всплакнет, признает свою вину перед родными и близкими, притихнет недельки на две, на три, всем своим собутыльникам твердо заявит, что он накрепко «завязал»... Но это всего-навсего недели на две, на три, от силы на месяц. Но уж зато потом, когда он «развяжет» и выпустит из бутылки зеленого змия, тогда все вокруг него держись. Читал «Василия Теркина»?

– Читал, – ответил Костя, не понимая, какое отношение имеет дебоширство отца к «Василию Теркину».

– Так вот, Василий Теркин, попадая в госпиталь или на отдых, спал за прежний «недосып», спал, не пробуждаясь, сутками. А хронический алкоголик, да если еще во хмелю он буйный, после временного затишья старается наверстать упущенное и учиняет такое!.. – Калерия Александровна поморщилась и покачала головой. – Так что просьба твоя, дорогой Костя, чтобы я поговорила с отцом, – это мертвому припарка. Твоего отца нужно спасать! А спасти его может только медицина. Ты хоть понимаешь это?

– Я с вами согласен... – глухо произнес Костя. – Отца нужно лечить... И только так, как сказали вы. Я уже слышал о такой принудительной лечебнице.

Затрещал телефон. Калерия сняла трубку и, бросив в нее: «Позвоните, пожалуйста, через десять минут», снова положила трубку на рычажки аппарата.

– Так что давай, Костя, договоримся: все эти материалы на твоего отца я соберу у соседей сама. Ты и мать здесь будете ни при чем, а при первом же буйстве отца ты срочно позвонишь мне. – Калерия протянула Косте руку и посмотрела на часы. – Ты извини, на двенадцать ноль-ноль я назначила встречу одному родителю, он уже дважды заглядывал в дверь. Молодец, что пришел. При всех случаях дай о себе знать.

Пятясь к двери, Костя что-то нечленораздельно лепетал, выражая благодарность, и обещал, что он все сделает так, как сказала ему Калерия Александровна.

Как только за ним закрылась дверь, в кабинет, пригнувшись, втянув голову в плечи и опасливо озираясь, вошел небольшого росточка мужчина средних лет, уже изрядно облысевший и с носом, который походил на недозрелую сливу – до того он был пронизан голубовато-розовой склеротической сеткой, что при первом же взгляде на этого человека с трясущимися руками можно сказать: алкоголик. Видавший виды, изрядно помятый хлопчатобумажный серый пиджак мешковато висел на его узких плечах. Уголки воротничка застиранной рубашки из-под пиджачка торчали как обрезки засохших арбузных корок. Давно не глаженные дешевые брюки неопределенного цвета на коленях пузырились. Весь этот жалкий наряд завершали растоптанные ботинки, какие часто можно видеть на свалках московских дворов.

– Ну, проходите же, – подбодрила Калерия вошедшего, который, закрыв за собой дверь, нерешительно переступал с ноги на ногу у порога. – Садитесь! Вы товарищ Перешвынов? Вам я назначила на двенадцать?

– Мне, – робко ответил Перешвынов и, присев на стул, с опаской несколько раз посмотрел на дверь, словно за ней ему что-то угрожало.

– Я сначала вас и не узнала. Изменились вы за три года.

– Что ж поделаешь, – словно оправдываясь в чем-то, проговорил Перешвынов. – Жизнь такая. Все на нервах, все в суете да в заботах.

– Слушаю вас.

– Я насчет сына, товарищ инспектор. Совсем задурил.

– Сколько ему?

– Да уже шестнадцать.

– Учится, работает?

– Учился в ПТУ, сейчас бросил.

– Почему?

– Говорит: не нравится специальность маляра. Не хочу, говорит, всю жизнь ходить мазуриком. Где-то вычитал у Максима Горького, что если труд – удовольствие, то жизнь хороша, а если труд – обязанность, то жизнь – рабство. Наизусть выучил эти слова Максима Горького. Грамотный...

Калерия улыбнулась.

– Да, есть такие слова у Горького. Их говорит Сатин в пьесе «На дне». Почитайте эту пьесу и растолкуйте сыну, как нужно понимать слова Сатина. Службу в армии тоже не назовешь удовольствием, а ведь все служат, служат по долгу перед Родиной. – Силясь что-то вспомнить, Калерия потерла ребром ладони лоб. – Я забыла, как зовут вашего сына.

– Анатолий.

– Ну, что он?..

– Опять, товарищ инспектор, – почти шепотом, хрипловато проговорил Перешвынов и снова покосился на дверь, словно боясь, что кто-то в коридоре его может подслушать.

– Что «опять»? Выкладывайте.

– Вчера попросил трешку – я не дал, знаю, что просит на бормотуху, так он, стервец, меня так извалтузил, что у меня до сих пор бока болят. И вы знаете, товарищ инспектор, по лицу, паразит, не бьет, знает, что будет синяк или ссадина. А это – уже улика. Все норовит по ребрам да под дых... – Перешвынов указательным пальцем ткнул себя в грудь, выше живота, – под ложечку. – В секции бокса научился. Это у них называется бросить в нокдаун, а то и в нокаут.

– Так и не дали ему три рубля?

– Нет, не дал!.. И не дам!.. – Перешвынов ершисто ошетинился и покачал головой. – Сам валяюсь на полу, а кричу свое: «Хоть убей, гад, насмерть, а копейки не дам!.. Хватит алкогольничать, пора за учебу браться!..» Видит, что от меня толку никакого, тогда за мать принялся.

– И та дала?

Перешвынов горестно вздохнул, развел руками и, втянув голову в плечи, зыркнул глазами на дверь.

– А что она сделает?.. Ее, правда, пока не бьет, а раза два тоже за горло хватал. А в этот раз, вчера, пригрозил: если не даст трешку – напьется уксусной эссенции и подохнет у нее на глазах как собака. Так и заявил: «Напьюсь и подохну!.. Тогда вас привлекут... Да еще поплачете». Та отдала последние. А среди ночи еле ноги приволок. Да еще не один, а с дружкой. И тоже, по всему видно, алкаш порядочный. Так и зырит, где что плохо лежит. А сегодня проснулись, взяли из книжного шкафа четыре тома Некрасова и смылись. Я даже не заметил, когда он лазил в шкаф. Эти книги мне подарил в день рождения друг, вместе служили в армии. Я очень люблю читать стихотворения Некрасова. Берег их от него как от огня, держал в шкапу под замком... Не знаем, что теперь делать с ним!..

Калерия впервые столкнулась с Перешвыновым года четыре назад, когда он запивал «потемному», пил вместе с женой, продавщицей овощного магазина, и допивались иногда до того, что сын-пятиклассник целыми неделями не ходил в школу, о чем в комнату по делам несовершеннолетних сообщала классная руководительница. Приходилось принимать срочные меры,

вызывать родителей мальчика и вести с ними нелегкие беседы, во время которых Перешвыновы чуть ли не клялись, что сын не ходит в школу из-за простуды, а вовсе не из-за того, что у них больше недели гостили приехавшие с Дальнего Востока родственники, по случаю чего пришлось их и «встретить» и по-родственному «проводить».

Знала Калерия, что отец Перешвынов не раз лечился от алкоголизма, но после лечения держался недолго, потом снова «развязывал», и опять начинался загул «по-новому».

– Сами-то как, держитесь? – доверительно спросила Калерия и улыбнулась так, что Перешвынов прочитал ее мысль правильно: «Давайте по душам, начистоту, уж коль сами пришли...»

– Да сам-то держусь... – виновато опустив голову, ответил Перешвынов.

– Давно?

– Да вот уже год.

– Не тянет?.. – В эту минуту Калерии было интересно знать, как относится к спиртному хронический алкоголик, год назад бросивший пить.

– Днем нет, а вот ночью, во сне, выпиваю почти каждый день. Иной раз аж расстроюсь... Вот, думаю, год как бросил, а тут на тебе – ни с того ни с сего развязал. А когда проснешься и видишь, что это всего-навсего был сон, то даже рад-радешенек.

– Лечились на улице Радио? – спросила Калерия. За семь лет работы в милиции с пациентами этой лечебницы она сталкивалась много раз.

– Нет, – затряс головой Перешвынов. – Таблетки меня уже не берут. Последний раз лечился по-серьезному.

– Это как же?

– Я теперь «защитик», – ощерившись беззубым ртом, жалко улыбнулся Перешвынов.

– Что значит «защитик»? – Калерии показалось, что Перешвынов неловко пошутил.

– Хожу с «торпедой»... А она не таблетки. Она – ой- ой-ой... Она шуток не любит. «Развяжешь» – тут же дашь дуба. А жить-то и ежу охота. Вот теперь не знаем, что с сыном делать... А вижу, что дальше так нельзя, погибнет или в тюрьму сядет. – Перешвынов протяжно и шумно вздохнул и шершавой ладонью стер со лба мелкие капельки пота. – Вот и пришел к вам. Когда-то вы меня вызывали, а теперь вот сам явился. Помогите. Дальше мочи нету.

– Жена-то тоже «завязала»? – подстраиваясь под жаргон Перешвынова, спросила Калерия.

Перешвынов поморщился, как от зубной боли, и отрешенно махнул рукой.

– А-а-а!.. Дома еще кое-как держится, а с работы частенько приходит навеселе. Уговаривал ее: зашейся. Она ни в какую. Говорит, что в торговле без этого никак нельзя. А с «торпедой», говорит, там сразу концы отдашь: то ревизия, то комиссия, то премиальные... И все надо то обмыть, то вспрыснуть, то еще что-нибудь...

– Да, товарищ Перешвынов, плохие ваши дела... Вот и получается по пословице: что посеешь – то пожнешь. Помню, года три назад как я уговаривала вас, чтобы вы не втягивали сына в свои праздничные застолья, а вы еще тогда мне твердили: «Да он только пивко или красненькое...» Помните наш разговор после майских праздников, когда вашего сына пьяного домой привел дворник.

– Помню, как же не помнить?.. Все помню, товарищ инспектор. Если бы знать, где упасть... соломку бы подстелил... А вот теперь солодкой не обойдешься.

– Хорошо, товарищ Перешвынов, я постараюсь вам помочь. Начнем с того, что я с Анатолием побеседую одна. Постараюсь растолковать ему слова Горького, а вот насчет пьянства и побоев – решайте сами: кто мне об этом заявил, вы или соседи?

– Что вы!.. Что вы, товарищ инспектор!.. – взмолился Перешвынов. – Да если он узнает, что я у вас был, он меня в такой нокаут бросит по пьянке, что я потом сам не рад буду, что пришел к вам.

– Соседи знают о его пьяных дебошах?

– Не только знают, а ждут, чтобы его поскорее забрали в армию или посадили за что-нибудь в тюрьму.

– Напомните ваш адрес, я зайду к вам, поговорю с соседями, а потом повесткой вызову сына. Нужно, чтоб картина была полнее, да и вас постараюсь обезопасить. – Калерия озабоченно нахмурилась, записывая адрес Перешвынова, потом встала, давая понять, что разговор окончен.

Попрощавшись с инспектором, Перешвынов с порога, приложив руку к сердцу, с мольбой в голосе, переходя на шепот, проговорил:

– Прошу вас, товарищ инспектор... Только на вас осталась одна надежда.

Когда за Перешвыновым закрылась дверь, Калерия посмотрела в свой рабочий календарь. После фамилии «Перешвынов» стояла запись: «Классный руководитель 10 А кл. 122-й шк. Ираида Андреевна Манькович. 13.30». Времени было 13.40.

Калерия хотела выйти в коридор, чтобы пригласить учителя Манькович, но не успела она сделать несколько шагов от стола, как на пороге ее кабинета, открыв дверь, появилась уже немолодая, лет сорока пяти, высокая, стройная женщина в платье спортивного покроя и с короткой стрижкой. Вместе с вошедшей в кабинет инспектора как бы вплыла освежающая волна тонких французских духов. «Модница», – подумала про себя Калерия, окинув с ног до головы вошедшую. Лицом своим, статью, прической и ростом она чем-то сразу же напомнила Калерии Зою Космодемьянскую, портрет которой висит у нее дома в гостиной.

– Вы Ираида Андреевна?

– Да, – улыбнулась Ираида Андреевна, обнажив ровный ряд белых зубов.

– Прошу, садитесь. – Калерия чисто по-женски оценила ее модное платье и красивый серебряный перстень.

– Я к вам давно уже собираюсь, Калерия Александровна, да как-то все не решалась. Считала, что визит в ваше учреждение – это последний и крайний шаг, чтобы как-то вытащить из трясины моего в прошлом хорошего ученика.

– Как его фамилия и имя?

– Его фамилия Ротанов Юрий, из-за поведения с горем пополам перетянула в десятый. И то под нажимом роно и по просьбе родителей. Прислали директору школы такое письмо, что не помочь было нельзя. По письму видно: прекрасные люди. Отец – заслуженный строитель, в этом году получил орден Трудового Красного Знамени. Мать – педагог, литератор.

– Письмо?... Почему письмо?... Откуда письмо? – недоуменно спросила Калерия.

– Из Индии. Они там в долгосрочной командировке. Отец Юрия строит какой-то важный объект в Калькутте.

Со свойственной педагогу неторопливостью, делая значительные паузы, где они усиливали впечатление, Ираида Андреевна рассказала причину своего визита к инспектору милиции по делам несовершеннолетних:

– Поведение Юрия меня начинает крайне тревожить. Все у него есть: прекрасная четырехкомнатная квартира, в Зеленограде – дача, его покойный дед был видным академиком-физиком, так что он единственный сын у родителей – баловень судьбы и богатый наследник. И он знает об этом, неглупый молодой человек, к тому же внешне интересен – девчонки за ним бегают, но он строит из себя разочарованного в жизни денди. Я преподаю литературу. В девятом классе прошлой весной я дала ребятам сочинение на тему: «Мой любимый литературный герой». Ребята, как на исповеди, раскрыли свои души. Писали четыре часа. У одного любимый герой – Павел Корчагин, у другого – Мартин Иден, у третьего – Олег Кошевой, у четвертого – Артур из «Овода» Войнич... Когда я проверяла сочинения, я была рада, что мы правильно воспитывали свою молодежь. А один мальчик написал об Александре Матросове. Причем в начале сочинения он оговорился, что ни романов, ни повестей, ни поэм он не читал

об Александре Матросове, он знает о нем только из документальных статей в газетах и журналах, но написал пламенное сочинение и кончил его примерно так: «Если писатель или поэт создаст об Александре Матросове произведение, достойное его подвига, так, как это сделал скульптор Вучетич в скульптурном портрете Матросова, – то он обязательно будет лауреатом Нобелевской премии». И объясняет это тем, что подвиг Александра Матросова – это подвиг интернациональных масштабов, особенно в век освободительных войн, когда о Матросове, о его подвиге должны знать люди в странах колониальных и порабожденных. – Увлеченная рассказом об ученике, написавшем сочинение о легендарном герое войны, и на минуту забыв, зачем она сюда пришла, Ираида Андреевна, словно опомнившись, извинилась: – Простите, я увлеклась. Я педагог. Вы знаете, кто у Юрия Ротанова его любимый литературный герой?

– Кто?.. – с улыбкой явного любопытства спросила Калерия, изрядно измотанная за день от разговоров о пьяницах и дебоширах.

– Григорий Печорин!.. Вы чувствуете? В своем сочинении, за которое я поставила ему пятерку, он исповедался. Причем исповедался без бравады, искренне. Написал без единой ошибки, взволнованно и закончил сочинение фразой, которая мне запомнилась. – Ираида Андреевна вскинула голову и, прищутив свои большие серые глаза, словно она проводит диктант в классе, четко проговорила: – «До тех пор, пока человеческая красота, ум и физическая сила будут слагать личность гражданина, до тех пор образ Григория Печорина будет волновать молодежь». – Ираида Андреевна привычным движением ладони смахнула со лба непослушную прядь каштановых волос и смотрела на инспектора такими глазами, словно ждала обязательного удивления или даже возмущения. – Что вы на это скажете, дорогая Калерия Александровна? Надеюсь, вы помните лермонтовского «Героя нашего времени»?

Своей искренней взволнованностью учительница литературы как бы зажгла инспектора милиции, которая за семь лет работы с «трудными» подростками вела диалоги и беседы, далекие от литературы и ее героев.

– Помню... И не только помню, но когда-то, по молодости, сама была влюблена в Григория Печорина. И завидовала Бэле. А к Вере даже ревновала вполне искренне. – На минуту забыв о Юрии Ротанове, Калерия подумала: «Вот бы ее на мое место! Эта умеет зажечь. И правильно делают в последние годы кадровики милиции, что на мою должность берут опытных педагогов. И чаще литераторов». – Ну, так что?.. Задурил парень? И чем же я могу помочь?

– Как вам сказать?.. Живет Юрий с бабушкой. Ей уже под восемьдесят. Почти слепая. С катарактой на обоих глазах. Старушка хоть и интеллигентная и духом сильная, все-таки, как-никак, жена покойного академика, но что она может сделать, когда внук задумал жить по ритму и по размаху Печорина? Учебу забросил, каждый вечер его видят в барах за коктейлями, бабушка последние полгода на ощупь определяет, что библиотека академика деда тает изо дня в день, а у них, как сказала бабушка, больше пяти тысяч томов. Одного антиквариата около двухсот томов... А тут недавно одноклассники Юрия, мои ребята, сказали мне, что видели его много раз с каким-то пожилым человеком, лет пятидесяти, в темных очках. Я вроде бы шутя спросила Юрия: «Что это за тип в темных очках, с кем ты однажды в вечернем баре через соломинку тянул коктейль?» Он мне так отрезал, что я даже пожалела, что спросила об этом.

– Что же он вам ответил? – спросила Калерия и пододвинула к Ираиде Андреевне пачку сигарет: – Курите?

– Был грех, но бросила, – закачала головой Ираида Андреевна. – На мой вопрос Юрий ответил: «О том, что это за человек, поручите узнать тем фискалам, которые доносят вам, кто с кем пьет кофе и кто с кем в свободное от учебы время общается...» Поклонился при этом этак по-светски, чуть ли не с реверансом, и покинул меня. Я стояла как оплеванная. Если у него будет так дальше продолжаться, то в десятом классе он вряд ли получит аттестат. Потом... – Ираида Андреевна замолкла и, словно подыскивая те точные слова, которыми она

смогла бы правильно охарактеризовать Юрия Ротанова, заключила: – Если сегодня он кандидат в «трудные», то через полгода он может стать «сверхтрудным». Беспокоит меня и другое.

– Что именно?

– Как мне сообщили ребята, да и сама я вижу: последнее время Юрий стал совращать с пути истинного Сережу Дружинина, ученика параллельного класса.

– Дружинина?! – удивилась Калерия. – Это случайно уж не сынок ли народной артистки Дружининой?

– К сожалению, да. Юноша, которого можно характеризовать только на языке римлян: *sancta simplicitas*.

– А по-русски? – улыбнулась Калерия.

– Святая простота! – перевела Ираида Андреевна. – Круглый отличник, за последние три года имеет пять дипломов на городских олимпиадах по биологии, нежный и воспитанный сын известных в стране родителей... И вдруг – пошел с Юрием Ротановым по вечерним барам. Я очень жалею, что мне до сих пор не удалось встретиться с матерью Сережи, она сейчас на зарубежных гастролях, а с его знаменитым папашей поговорить о сыне пока как-то все не решаюсь, но вам обо всем сообщаю официально. Боюсь, что Ротанов втянет Сережу в беду.

Калерия сделала пометки в рабочем календаре, коротко и сухо ответила на телефонный звонок, подняла глаза на Ираиду Андреевну:

– С Юрием Ротановым я обязательно встречусь на следующей неделе. Вы не подскажете мне его домашний телефон?

Ираида Андреевна достала из сумочки записную книжку и продиктовала инспектору номер телефона.

– Вы, пожалуйста, встретьтесь и с бабушкой Юрия, она только что вышла из глазной клиники, ей снимали с одного глаза катаракту.

– Ну и как, успешно?

– Да вроде бы благополучно... Голос по телефону бойкий, уже сама ходит на рынок и в булочную. Я собираюсь на следующей неделе ее навестить. Милая, интеллигентная старушка. О Юрии расскажет вам больше и подробнее, чем я. И потом, очень прошу вас – поинтересуйтесь, пожалуйста, что это за пожилой человек в темных очках, с которым он пьет коктейли в баре? Может, вам через нее удастся узнать?

Закончив беседу, Ираида Андреевна оставила инспектору свой телефон и попросила обязательно позвонить ей после встречи с Юрием Ротановым и с его бабушкой.

– Позвоню обязательно! Пожалуй, придется встретиться и с артисткой Дружининой. – Калерия посмотрела на часы и, давая понять тем самым, что ей все ясно и что ее торопят другие неотложные дела, поправив поясok платья, встала. – За то, что пришли, спасибо. Если будет нужда – заходите, пожалуйста, в любое время. А родителям Юрия напишите, что вы были у меня и что их сыном начинает интересоваться милиция. Скажу вам честно, среди моих подопечных Юрий Ротанов – не первый из детей дипломатов и командированных на заграничную работу. Работать с их детками нелегко. Ох, как нелегко!.. Сердобольные бабушки и дедушки их не воспитывают, а развращают. – И, словно раздумывая, можно ли до конца быть откровенной с учительницей, столь искренне озабоченной своими питомцами, вздохнула, покачала головой: – Ираида Андреевна, люди, которых командируют за границу, не все одинаковые. Одних в чужеземные страны бросает строгий и жесткий долг служебных обязанностей, другие... – Она помолчала с минуту и решила высказать мысль до конца. – А другие в ажиотаже валютных и чековых накоплений забывают, что дети без родительского глаза – это хуже, чем стадо без пастуха. Я это говорю не для красного словца, я сама родилась и выросла в деревне.

Ираида Андреевна поблагодарила инспектора за участие, попрощалась и вышла из кабинета, оставив после себя стойкий запах французских духов.

В своем настольном календаре Калерия записала: «Встретиться с нар. арт. СССР Н.С. Дружининой. Зайти к бабушке Ю. Ротанова. Бар. Коктейли. Пожилой мужчина в темных очках».

Почувствовав голод, Калерия только теперь вспомнила, что утром она выпила чашку кофе и съела два печенья. Времени было уже три часа дня. Подумав о том, что в бензобаке ее «жигулей» осталось меньше пяти литров бензина, она решила: «Заправлюсь, заеду домой, пообедаю – и еще раз поговорю с Захряпкиным. Эту дубину можно убедить, Иванову еще можно помочь. Главное – внушить ему, чтобы он назвал соучастников, иначе ему грозит часть вторая двести шестой статьи... Три года колонии для несовершеннолетних. Через полтора месяца ему исполнится восемнадцать лет. Сейчас ему еще можно облегчить участь. Взять на личное поручительство, трудоустроить, держать под постоянным контролем. Парень не из пропащих. Мучительно переживает за здоровье матери. А это уже островок душевного спасения...» С этими мыслями Калерия закрыла свой кабинет на ключ и, предупредив дежурного, что после обеда она поедет в прокуратуру, вышла из отделения.

Глава шестая

Перед отъездом в Белоруссию, где им предстояло пройти и проехать по местам боевой славы, к Валерию Воронцову зашли Эльвира и Игорь Снегирев. Их дружбу связывала не только школа, но и секция по фехтованию в спортивном обществе «Динамо». В отборочных соревнованиях, которые прошли в начале июня, Валерий и Игорь были зачислены в группу претендентов на всесоюзное соревнование шпажистов среди юниоров. Соревнование намечалось на сентябрь и должно проводиться в Ленинграде. Эльвира, которая занималась фехтованием всего лишь два года, собиралась поехать в Ленинград как болельщица. С родителями она уже договорилась, а со школой, как она рассчитывала, вопрос этот будет утрясен. Благо, что по успеваемости Эльвира считается одной из лучших учениц в классе.

Сегодня, через час, всем троем им предстояло ехать в туристическое агентство, где они должны были заплатить деньги за путевки. Казначеем группы выбрали Эльвиру.

За оставшийся час Валерий и Игорь решили провести тренировочный бой. Эльвира, которой на школьных концертах художественной самодеятельности не раз приходилось быть конферансье, эту товарищескую встречу двух известных московских шпажистов-юниоров решила представить в игровом плане, словно они ведут бой не в комнате, а на сцене школьного зала. Об этом она договорилась с Валерием и Игорем и просила их не мешать ей вести конферанс. За зрительный зал она условно приняла стену с двумя окнами, выходящими на тихий дворик, затопленный буйно разросшимся кустарником и молодыми липами.

– А ничего, что окна раскрыты? – спросил Игорь. – Голос у Эльвиры такой, что прибегут слушать ее комментаторство с соседней улицы.

– Ничего, Эля, не жалею голосовых связок! – подбодрил Эльвиру Валерий. – В этот час в нашем дворе ходят одни старушки да бездомные кошки. Для нас твой конферанс будет допингом.

Эльвира посмотрела на часы и тихо, затаенным шепотом сказала:

– В нашем распоряжении, рыцари, всего сорок минут. Проведем бой, и аллюр три креста в агентство. А то наши капиталы мне жгут ладони, когда я их семь раз в день пересчитываю. Все думаю: а вдруг убудет. – Подняв руку, Эльвира скомандовала: – По местам!.. Оружие к бою!..

Валерий и Игорь надели на головы шлемы и, обнажив шпаги, приняли боевую стойку. Однако Валерию что-то не понравилось.

– Ты вначале объяви номер! Если уж взялась быть конферансье, то будь им от начала и до конца. Делай все как полагается. Вначале объяви публике номер, а потом подавай команду: «Бой!...»

– Ах, так?!.. – рассердилась Эльвира. – Тогда и вы, разлюбезные, марш со сцены за кулисы. – Повернувшись к Валерию, скомандовала: – Ты – в спальню!.. – И кивнула Игорю: – Ты – на кухню!.. Как только объявлю ваш номер, так сразу же на сцену.

Валерий удалился в спальню, Игорь скрылся на кухне.

Эльвира насадила на кончик своей шпаги пустую пачку от сигарет, лежавшую на письменном столе среди рукописных глав диссертации отчима Валерия, и, изображая, что в ее руках переносной микрофон, слегка поклонилась воображаемой публике и громким голосом, так, чтобы слышали Валерий и Игорь, объявила:

– Заключительным номером нашего концерта художественной и спортивной самодеятельности предлагаю вашему вниманию... – И, словно что-то заметив в «зале», вдруг замолчала и, сурово вглядываясь в сидящую перед ней «публику», сердито крикнула: – Костя!.. Быченков!.. Как тебе не стыдно!.. Выбрось изо рта эту мерзкую жвачку!.. Ты не корова и не иностранный турист!.. – Переведя взгляд в другую сторону «зала», Эльвира и там увидела непорядок. – Митрофанов, слезь с подоконника, пройди в седьмой ряд, там есть свободное место

с краю! И вообще ты не скульптура!.. – Эльвира прошлась вдоль «сцены», вернулась на середину комнаты и, поднеся ко рту пустую пачку из-под сигарет, громко объявила: – Итак, дорогие ребята, заключительным номером нашей сегодняшней программы – дружеская встреча двух известных вам спортсменов-юниоров из общества «Динамо», десятиклассника Валерия Воронцова и ученика параллельного класса Игоря Снегирева. – Озираясь на дверь, ведущую в спальню, громко позвала: – Валерий Воронцов!

Из спальни с видом готовности к бою не на жизнь, а на смерть вышел со шпагой в руке Валерий. Воображая, что ему аплодирует не только конференсье, но и «зал», он низко поклонился «публике».

Эльвира представляла Валерия воображаемой «публике»:

– Мастер спорта!.. Вторая шпага Москвы среди юниоров. Фехтованием занимается четыре года!.. Провел тридцать семь показательных боев, из них имеет тридцать три победы!.. Кандидат на всесоюзное соревнование шпажистов среди юниоров. – Изображая, что «зал» аплодирует Валерию, начала хлопать в ладоши и Эльвира, давая знак Валерию, чтоб тот поклонился «публике», что он охотно сделал.

Представив «залу» Валерия, Эльвира повернулась в сторону кухни, откуда как бы из-за «кулис» должен появиться его противник, объявила:

– Игорь Снегирев!..

Прошла минута, прошла другая, а Игорь не появлялся, хотя из кухни доносились какие-то звуки, похожие на стук посуды. Эльвира с «микрофоном» в руках метнулась на кухню и в следующую минуту выволокла оттуда за ухо Игоря, который в одной руке держал шпагу, а в другой алюминиевую чашку и жадно пил из нее компот.

– Вот нахал!.. – совершенно забыв, что перед ней «зал», пристыдила Эльвира Игоря. – Пришел в чужую квартиру и лазит по кастрюлям.

– Компот потрясный! Сроду такого не едал! – скаля зубы, оправдывался Игорь.

– Остановись, презренный! – крикнул Валерий и расхохотался.

– Что, жалко? Я всего два половничка плеснул, а там его не кастрюля, а целая бадья.

– Из этой чашки у нас кот Васька ест!.. – с трудом сдерживая смех, проговорил Валерий, как и Эльвира забыв в эту минуту, что они на «сцене» и что перед ними «публика».

– Что?!.. – Вытаращив глаза, Игорь медленно поставил на письменный стол, на одну из глав диссертации, пустую алюминиевую чашку.

– Не умрешь! – утешил его Валерий. – Наш Васька – гроза двора... В него влюблены все кошки нашего переулка.

– Ах, так?!.. – Игорь сделал боевую стойку и грозно воскликнул: – К барьеру!..

С трудом сдерживая смех, Эльвира повернулась к «залу»:

– Игорь Снегирев!.. Кандидат в мастера спорта!.. Фехтованием занимается четыре года! Провел сорок четыре боя, из них выиграл тридцать семь! – Раскланивается и жестом дает знак начинать: – Бой!..

С первой же минуты бой закипел азартно, горячо. Противники делали каскады выпадов, мгновенно из защиты переходили в нападение, нападение чередовали защитой... Эльвира, быстро передвигаясь по комнате, «судила» бой, по ходу делала замечания, предупреждения.

Никто из троих не слышал, как в коридоре глухо хлопнула входная дверь и на пороге гостиной выросла Вероника Павловна. Ее приход смутил Игоря, и он зазевался. Валерий, не видя матери – он был спиной к ней, – сделал резкий, стремительный выпад вперед и поразил Игоря. Он победил.

Не заметила Веронику Павловну и Эльвира. Обращаясь к «залу» и поддерживая «аплодисменты» «публики», она выдвинула на середину комнаты кресло, стоявшее рядом с письменным столом, и подняла на него за ухо Валерия, который так же, как и Эльвира, пока не

замечал матери. Эльвира вышла с «микрофоном» на середину «сцены» и громко объявила, обращаясь к «залу»:

– Итак, победил Валерий Воронцов! Поаплодируем ему, ребята!.. – И, заговорщицки прикрыв ладонью рот, тихо сказала: – А теперь сообщая приятную новость: в сентябре месяце Валерий Воронцов и Игорь Снегирев на всесоюзных соревнованиях в Ленинграде будут защищать честь юниоров столицы по фехтованию. – Эльвира горячо захлопала в ладоши и только теперь заметила стоявшую в коридоре Веронику Павловну. Первую минуту она засмушалась, а потом, видя, что их «концерт» матери Валерия показался милым и забавным – это было видно по ее улыбающемуся лицу, она, как бы оправдываясь, проговорила: – Тренируемся, Вероника Павловна!.. Все это нам предстоит осенью.

– Что же ты, Игорь, сделал такой промах? Я помешала?

– Ничего, Вероника Павловна, цыпляют по осени считают. Посмотрим, что кому принесет сентябрь, – благодушно ответил Игорь.

Вероника Павловна хотела что-то сказать Игорю, но, увидев на одной из глав диссертации алюминиевую чашку, метнулась к письменному столу.

– Что же вы делаете, мальчики? Если бы это увидел Альберт Валентинович!.. Он бы выбросил вас в форточку. Ведь это же его диссертация!

– Мамочка, отныне эта посудина станет мемориальной. Из нее только что изволил откушать компот кандидат в мастера спорта Игорь Снегирев!..

Вероника Павловна взяла со стола чашку и вышла на кухню.

Эльвира, чтобы завершить свою роль концертного конференсье, снова поднесла ко рту пачку из-под сигарет, наколотую на кончик шпаги.

– Пожелаем Валерию Воронцову и Игорю Снегиреву успехов на всесоюзном соревновании!.. – Раскланиваясь и вместе с «залом» аплодируя Игорю и Валерию, она, сурово поведя взглядом вправо, надсадно проговорила: – Занавес!.. За-анавес!.. – И, сделав два шага вперед, словно за ее спиной сомкнулись полотнища занавеса, весело и громко обратилась к «публике»: – На этом, дорогие ребята, наш концерт окончен!.. – Эльвира сорвала пачку из-под сигарет с кончика шпаги, положила шпагу на письменный стол и плюхнулась на диван. – Фу!.. Конферировать бой труднее, чем драться!.. – Бросив взгляд на часы, порывисто встала с дивана. – В нашем распоряжении, братцы-кролики, осталось пятнадцать минут.

– У меня есть трешка, доедем на такси, – успокоил Эльвиру Игорь.

В комнату с подносом в руках, на котором стояли три чашки, вошла Вероника Павловна.

– Мальчики!.. Холодненького компота!.. Со льдом!.. Вишневого!.. Вы заслужили. До сентября нужно копить силенки.

Три руки протянулись к подносу, на который через минуту были поставлены пустые чашки.

– А где мой побратим кот Васька? – оглядываясь по сторонам, с серьезным видом спросил Игорь. – Хоть бы познакомили.

– Он гуляет, – ответила Вероника Павловна. – Не любит одиночества.

Словно вспомнив что-то важное и обязательное, Игорь обратился к Валерию:

– Давай поделимся. Ты жми в хозяйственный магазин за своей серебрянкой, а мы с Эльвирой полетим в агентство. Вечером между шестью и половиной седьмого встретимся в «Сокольниках». И как всегда – у центральных ворот. – Не дожидаясь согласия или возражения Валерия, он взял за руку Эльвиру и потянул ее к выходу: – Вперед, Ротшильдиха! Только вперед!.. Нас ждут места боевой славы!..

Когда за Игорем и Эльвирой захлопнулась входная дверь, Вероника Павловна, услышав из соседней комнаты слово «серебрянка», вошла в гостиную.

– За какой серебрянкой ты собираешься ехать, сынок? – с тревогой в голосе спросила она, пристально глядя в глаза сыну.

– За самой обыкновенной. За той, какой красят самолеты и могильные ограды на кладбищах. Последнее время серебрянка стала моей любимой краской.

– Хочешь по пути из Белоруссии заехать в Смоленск? – робко спросила Вероника Павловна.

– Зачем заезжать?.. Смоленск в нашем туристическом маршруте значится как завершающий пункт похода.

– Ну что ж, ты задумал хорошее дело, – расслабленно сказала Вероника Павловна и уже повернулась, чтобы выйти из гостиной, но ее остановил Валерий:

– Мама!.. Я давно собираюсь спросить тебя: почему ты, сколько я помню себя, ни разу не была на могиле отца? Ты что, его не любила? – И, тут же поняв, что вопросом этим сделал больно матери, смягчил: – Вернее, не очень любила?

Словно обличенная в чем-то неблагоприятном, Вероника Павловна ответила не сразу. Она искала каких-то особенных, чуть ли не клятвенных слов, но они не пришли. А поэтому ответила просто, угасающе-буднично:

– Я очень любила твоего отца, сынок... Очень!.. Но ты сам видишь, какая у меня сумасшедшая работа. Я, как вол, тяну в гору две арбы. Две ставки.

– Но в каждой неделе есть суббота и воскресенье... А до Смоленска езды всего десять часов... А потом, каждый год ты имеешь месячный отпуск.

Веронике Павловне не хватало воздуха. Она чувствовала себя прижатой в угол, из которого не знала, как выбраться.

– Все это так, сынок... Когда ты был маленький, я ездила на могилу отца каждое лето. И каждый раз я возвращалась с больным сердцем. Ты же знаешь, какие у меня нервы и какое слабое сердце. Просто, наверное, щажу себя, чтобы не потерять последние силы и поставить тебя на ноги.

– Я тебя понимаю, мама... Ты не сердись на меня. Может быть, ты и права. Я не хотел тебя ни упрекнуть, ни обидеть. Я это сказал просто потому, что последнее время отец мне очень часто снится. Я вижу его как живого. И все почему-то рядом с самолетом. В комбинезоне, на голове кожаный летный шлем... Улыбка такая светлая-светлая. Как на фотографии, что на памятнике. Он машет мне рукой, зовет меня к себе, что-то говорит мне, а я из-за рева мотора ничего не слышу. Только одно слово – догадываюсь по губам: «Сынок!..»

На глаза Вероники Павловны навернулись слезы. Сердце ее щемило от жалости к сыну. Она хотела утешить его, но не знала чем.

– Да, сынок, отец твой был первоклассным летчиком. Когда он возвращался с полетов и приходил домой, то подолгу стоял над детской кроваткой и играл с тобой, делал тебе разные смешные рожицы. А мне было мило и потешно. Я была счастливой женой и счастливой матерью. Многие мои подруги завидовали мне. – Наступили минуты, когда ложь вводила Веронику Павловну в такие подробности, что временами ей казалось, что ее мужем, от кого родился Валерий, и в самом деле был военный летчик, и что он погиб при выполнении боевого задания, и что похоронили его на смоленском кладбище. В такие минуты ей становилось страшно: уж не сходит ли она с ума? Но тут же успокаивала себя где-то случайно вычитанным высказыванием Горького о том, что правда – это всего-навсего сотни раз повторенная ложь. А она, Вероника Павловна, свою ложь об отцовстве Валерия повторила уже столько раз, что временами и сама начинала убеждать себя, что это была правда.

Глядя рассеянно в одну точку на стене, Валерий тихо, тоном легкого упрека сказал:

– Ты так мало и как-то всегда неохотно рассказываешь об отце... А мне бы о нем хотелось знать все, что знаешь ты.

– Не хочу тебя расстраивать, сынок. Да и самой тяжело о нем вспоминать.

– Отец стоит того, чтобы его помнили и вспоминали. С этими словами Валерий встал с дивана, вставил в магнитофон кассету и щелкнул клавишу включателя.

В следующую минуту по комнате разлилась печальная песня о трагической гибели летчика, который, чтобы не выбрасываться из неисправного самолета над городом, из последних сил, идя на верную смерть, вывел самолет из зоны города и разбился. Когда Валерий слушал эту песню, перед его глазами образ отца представлял таким, каким он запечатлен на фотографии, вмонтированной в нише памятника.

Вероника Павловна поправила на письменном столе разложенную по главам диссертацию мужа и, чтобы как-то незаметно закончить этот всегда нелегкий для нее разговор, сказала:

– Я сегодня очень устала, сынок. Болит сердце. Пойду прилягу. – Она поцеловала Валерия и вышла в спальню.

Как и когда вошел в квартиру Яновский, Валерий не слышал. Он даже вздрогнул, когда отчим громко кашлянул, давая знать, что он пришел и что в гостиной, где на письменном столе его ждет диссертация, ему нужно остаться одному.

Все развлекаемся? – сухо бросил Яновский.

– В этой песне мало развлечений, – глухо произнес Валерий и выключил магнитофон. Уже из коридора, не открывая дверь спальни, крикнул матери: – Я поехал за серебрянкой.

Дождавшись, когда Валерий уйдет, Яновский достал из портфеля металлический лист чеканки с изображением обнаженных граций под струями фонтана и повесил ее на стену. Когда в гостиную вошла Вероника Павловна, он кивнул на чеканку и тоном нескрываемой похвалы сказал:

– Подарок!.. Авторская работа. Сегодня был в Абрамцевском художественном училище, проводил там беседу со студентами. Интересные молодые люди! Есть очень талантливые. А когда я сказал, что в одной из глав диссертации об эстетическом воспитании молодого человека трудом я обязательно отражу опыт Абрамцевского училища, – преподаватели и директор на прощание, в знак благодарности за мое выступление и, очевидно, как аванс за обещанную похвалу, взяли из своего музея вот эту чеканку – а она отмечена премией на ВДНХ – и подарили мне с автографом. Почитай!.. – Яновский снял со стены чеканку и поднес ее тыльной стороной чуть ли не к лицу жены. – Впечатляет?

– А ты будешь о них писать?

Яновский зычно хохотнул.

– Написал бы, да поезд уже ушел. Диссертация и так набита материалом, как московский трамвай в часы пик.

– А ведь обещал.

– Мало ли что я кому обещал. Когда я это обещал, я же не знал, что они преподнесут мне подарок. А дареному коню в зубы не смотрят. А потом – что это за морализирование? Уж не хочешь ли ты упрекнуть меня в нечестности?

Видя, что муж уже на грани раздражения, Вероника Павловна решила обострившийся разговор перевести на шутку.

– Ты прав, Альберт. Студенты и преподаватели художественного училища далеко не данайцы.

– Какие данайцы? – насторожился Яновский.

– А помнишь древний афоризм: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Теперь Яновский расхохотался от души.

– Гениально!.. Первый раз слышу этот афоризм. Запишу его и запомню.

– Только обязательно познакомься с историей зарождения этого афоризма.

– Спасибо за совет! – с нарочитым подбострастием, делая реверанс, произнес Альберт.

Он не любил, когда ему непрошено советовали. Особенно жена, врач по профессии.

Бросив взгляд на Веронику Павловну, отчужденно сидевшую на диване, он спросил:

– Ты нездорова?

– Боже мой, что я делаю? Что делаю?..

– К чему эти терзания и заламывание рук? Что-нибудь случилось?

– Лгу, лгу и лгу... И нет конца моей лжи. Не могу остановиться.

Догадавшись, что ее так волнует, Яновский решил утешить жену:

– Ложь во спасение не грешна. Этот закон жизни идет из древности. – Яновский сел за стол и принялся раскладывать только что привезенную от машинистки главу рукописи.

– Боюсь, что моя ложь во спасение будет роковой в судьбе Валерия. Он такой ранимый. Сейчас он сказал мне такое, что я думала, у меня вот-вот остановится сердце.

– Что же он сказал тебе? – раскладывая листы рукописи, механически задал вопрос Яновский.

– По ночам ему снится отец. Снится все чаще и чаще. Он видит его лицо, его улыбку... Не слышит только голоса, мешает гул самолетов.

– Ему снится не отец, а твоя легенда об отце.

– Называй как хочешь. Страшит одно – эта легенда может лопнуть как мыльный пузырь. Что тогда я скажу сыну?

Яновский демонстративно приложил руку к сердцу, лицом изображая нестерпимую боль.

– За эти три года, пока мы живем с тобой, ты так много сил отдаешь анализу своих страданий. Психологическое самоистязание!..

– С кем же мне поделиться своими тревогами, как не с мужем. Первый год ты не был таким черствым, Альберт. А сейчас... – Вероника Павловна не договорила то, что хотела сказать.

– Сейчас у меня канун защиты! Последняя атака!.. А ты меня отвлекаешь вопросами, которые решаю не я. Тебе же советовали знающие люди сходить к депутату по нашему избирательному округу и к инспектору милиции по делам несовершеннолетних. Сама же говорила, что инспектор прекрасный человек, я ее видел хоть накоротке, но она мне понравилась. Умница.

– Завтра я к ней иду. Мы уже договорились. Если ее не отвлекут другие, неотложные дела, то она меня примет во второй половине дня.

– Ну и прекрасно!.. Она тебе поможет! – Яновский хотя и участливым тоном, но говорил все это механически, лишь бы не молчать, а сам скрупулезно раскладывал листы рукописи диссертации.

Когда Вероника Павловна вышла из комнаты, Яновский достал из книжного шкафа толстый блокнот с твердыми корками. В этот блокнот он записывал афоризмы, меткие выражения, изречения мудрецов и классиков, которые при случае иногда пускал в ход.

Открыв нужную страницу, он записал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». И на клочке бумаги сделал пометку: «Расшифровать «данайцы». Пометку вложил в то место блокнота, где был записан афоризм.

Глава седьмая

О том, что Валерий – внебрачный ребенок, не знали ни соседи по дому, ни в школе, ни коллеги Вероники Павловны по работе. С родственниками, живущими в другом городе, от которых была скрыта тайна рождения сына, связь была давно оборвана. Одна лишь бабушка Валерия, которая в свое время тяжело пережила разрыв Вероники с Сергеем (знала она и причину разрыва), с тревогой в душе ждала совершеннолетия внука, когда она должна полезть в свой кованный сундучок и достать оттуда запечатанное в конверте свидетельство о рождении Валерия.

На прошлой неделе Вероника Павловна навестила мать, и они долго говорили о Валерии, о том, как лучше избежать раскрытия им тайны его рождения. Мать Вероники еще полгода назад беседовала по этому вопросу с одним авторитетным и знающим юриспруденцию человеком, скрывая при этом, что она говорит о своем внуке. Этот человек сообщил ей, что вопрос ее по действующему законодательству почти неразрешимый. А еще этот осведомленный в юриспруденции человек сказал матери Вероники Павловны, что в Президиуме Верховного Совета СССР сейчас разрабатываются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и что поэтому закону вопрос об изменении записи об отце в свидетельстве о рождении, где в графе «отец» стоит прочерк, будет решен положительно. Он даже растолковал ей, что практически это будет решаться совсем несложно: мать ребенка, родившегося до первого октября 1968 года, вправе подать в отделение загса заявление о внесении в книгу записей о рождении, сведений об имени, отчестве и национальности ребенка, а фамилией ребенка в новом свидетельстве становится фамилия матери.

Это сообщение обрадовало Веронику Павловну и ее мать. Фамилия летчика-испытателя, похороненного на смоленском кладбище, совпадала с фамилией Вероники Павловны, а поэтому мать и бабушка Валерия ждали того светлого дня, когда обе они снимут с души холодный и тяжелый камень, который давил их с тех пор, когда Вероника Павловна шестнадцать лет назад вышла из загса со свидетельством о рождении сына, где в графе «отец» стоял прочерк. Но когда?.. Когда будет принят этот закон?.. Тот же юрист сказал бабушке Валерия, что проекты некоторых законов разрабатываются годами и что рассмотрение их, обсуждение и принятие на сессии Верховного Совета СССР требуют немалого времени.

И все-таки... Все-таки жила в душе Вероники Павловны смутная надежда на помощь со стороны инспекции по делам несовершеннолетних, в функции которой, как ей сказали, входит не только воспитательная работа среди трудных подростков, но и профилактическая помощь молодым людям, в судьбе которых назревает драматический надлом.

Неделю назад Вероника Павловна об этой слабо мерцающей надежде доверительно сказала мужу, на что он, встав в позу, прочитал стихи из Шекспира:

С надеждой раб сильнее короля,
А короли богам подобны...

Даже сам тон, которым были прочитаны эти строки, и наигранно высокомерное выражение лица Яновского обидели Веронику Павловну и заставили надолго уйти в себя.

Целую неделю Вероника Павловна ходила как потерянная, мысленно строя план своей предстоящей скорбной исповеди, в которой она решила рассказать всю правду, скрыв лишь некоторые подробности, которые не могли не уронить ее в глазах другого человека как женщину.

И вот она пришла за помощью в милицию к инспектору по делам несовершеннолетних – к Калерии Александровне Веригиной. Из беседы, которая длилась около часа, инспектору

было все ясно: мать не находит себе места и душевно страдает оттого, что наступило время, когда ей нужно было или раскрывать перед сыном свою ложь, или находить какие-то пути к тому, чтобы получить новое свидетельство о рождении сына.

Калерия понимала, что просьба несчастной матери очень сложна и неординарна и в ее практике встречается впервые. Знала она только одно, что по существующему законодательству о семье и браке вопрос этот не может быть решен положительно. Разве только по решению суда, и то надежд на это было мало.

– Каким вы предвидите поведение вашего сына, если он узнает тайну своего рождения? – спросила Калерия, чтобы яснее представить себе характер сына Вероники Павловны.

– Для него это будет целая трагедия. – Вероника Павловна с трудом сдерживала слезы. – Если бы я знала, что любовь к «погибшему» отцу-летчику у него будет почти религией, я бы ни за что не пошла на это. И все было бы гораздо проще. А сейчас... Когда ему было двенадцать лет, он все лето просил меня: «Мама, давай съездим на могилу папы...» Я находила десятки причин, которые мешали этой поездке. Потом он как-то ушел в себя, замкнулся... А недели за две перед школой мой сын пропал. Я думала, что он, не предупредив меня, уехал к бабушке. Поехала к ней, но его там не было. Я обзвонила всех знакомых, – кроме сочувствия и успокоений, что, наверное, с кем-нибудь из друзей уехал на дачу, ничего не было. Ночь была страшной! Я думала, что сойду с ума, звонила в институт Склифосовского, заявила в милицию, наконец с ужасом набрала номер телефона морга и в ожидании ответа почувствовала, что я вот-вот умру. Но там сказали, что в морг за последние сутки дети не поступали. На второй день я посмотрелась в зеркало и не узнала себя – начала сесть. – Вероника Павловна, вытирая платком слезы, которые она не могла остановить, словно вторично переживая теперь уже давнишние материнские страдания, продолжала рассказывать: – К исходу вторых суток, уже вечером, как сейчас помню, это была суббота, вдруг в коридоре длинный звонок. Так звонил только Валерий, когда он бывал голоден или когда спешил сообщить какую-нибудь свою мальчишескую радость. Метнулась к двери, руки дрожат, не могу открыть замок... Наконец открыла дверь и чуть не задохнулась от радости и счастья. На пороге – он... Стоит и весь сияет! Глаза горят, такой счастливый и радостный, каким я его еще никогда не видела. Целую его, а сама плачу... Спрашиваю: «Где же ты пропадал двое суток?» – а он, будто ничего не случилось, отвечает: «Я ездил в Смоленск!.. Был на могиле папы!.. Принес с Днепра желтого песку, посыпал вокруг могилы, положил цветы...» С тех пор все началось... – Вероника Павловна умолкла, опустив голову.

– Что началось? – сочувственно спросила Калерия.

– С тех пор пропало четыре года. За эти четыре года он уже пять раз побывал на могиле отца. Два раза покрасил ограду серебрянкой, привез из Москвы молоденький саженец клена и посадил в ограде. И сейчас собирается. А дома?.. Вы бы только посмотрели его фонотеку! В ней все песни, которые пели давно и сейчас поют в нашей стране о летчиках. А год назад заявил: как только исполнится восемнадцать лет, так сразу же запишусь в аэроклуб. Хочет быть летчиком.

– Как он учится? – спросила Калерия.

– Четверки и пятерки. Мог бы, конечно, на одни пятерки, если бы не бредил авиацией и космонавтикой. Эти книги он глотает с жадностью.

В представлении Калерии образ Валерия уже начинал складываться как личность хоть и очень юная, но целеустремленная, светлая. Ей хотелось видеть этого молодого человека, поговорить с ним, чтобы яснее для себя знать, чем она может помочь зашедшей в тупик матери.

Вероника Павловна рассказала инспектору о том, что один известный юрист, работающий в комиссии законодательных предположений в Президиуме Верховного Совета СССР, еще полгода назад поведал ее матери о том, что в Президиуме Верховного Совета сейчас разрабатывается новый закон, по которому вопрос ее может быть без особых затруднений решен

положительно, рассказала, также со слов матери, содержание проекта этого закона, на что Калерия ответила неопределенно и сухо:

– О том, какие законы разрабатываются в Президиуме Верховного Совета, мне не сообщают. – И горько улыбнулась. – Между отделением милиции и Верховным Советом очень большая дистанция.

– Да, я вас понимаю... – смущенно проговорила Вероника Павловна. – Я просто сообщила вам то, о чем мне рассказала мама.

– У меня в Президиуме Верховного Совета, к сожалению, нет ни друзей, ни знакомых. А поэтому сами понимаете... Давайте говорить на моем уровне. – Возвращаясь к вопросу, который привел Веронику Павловну в милицию, спросила: – Вы замужем?

– Да, – смущенно ответила Вероника Павловна, словно в теперешнем замужестве была какая-то ее вина.

– И давно?

– Три года.

– Кто ваш муж по специальности?

– Он аспирант. Осенью должен защищать диссертацию.

– Где и по какой специальности?

– В педагогическом институте. Тема диссертации у него трудная, но очень злободневная и острая.

– Что это за тема?

– Воспитание подростка в семье, где нет отца. В общем, что-то в этом роде, – Вероника Павловна вздохнула: – Печальная тема. Пожалуй, тема его диссертации нас и сблизила.

– Он москвич?

– Нет, он с юга. – Словно уличенная в чем-то на грани неприличного, Вероника Павловна залилась краской стыда.

– Какие у сына отношения с отчимом?

– Хорошие... Доверительные. За три года не было ни ссор, ни конфликтов.

– Совет его «папой»?

– Нет, по имени и отчеству. Для папы муж еще очень молод. – Вероника Павловна замялась. – Да может быть, так лучше. Валерию было уже тринадцать лет, и он... слишком глубоко носит в душе образ погибшего отца-летчика... Я даже не пыталась как-то переломить его.

– Вы поступили правильно. – Калерия сделала заметку в календаре и подняла свои большие, выразительные глаза на Веронику Павловну. – Ну, что я вам скажу, Вероника Павловна?.. Вы поведали мне печальную историю. Будем надеяться только на то, что может сделать для вас комиссия по делам несовершеннолетних. Думаю, что принцип древних римлян «нет правила без исключения» еще не снят из практики нашей жизни. А для этого, чтобы мне выходить на эту комиссию не с голыми словами, напишите обо всем, что вы мне поведали. Подробно о своем девическом грехе не пишите, это комиссию интересоваться не будет, да и вас он как мать и как женщину не возвысит. Напишите только о том, что вы создали для сына, когда он был еще ребенком, легенду о якобы погибшем отце, а сейчас, когда сыну предстоит получение паспорта, эта легенда лопнет как мыльный пузырь и может на всю жизнь ранить душу сына. Думаю, когда дело дойдет до рассмотрения вашего вопроса на комиссии, я смогу доложить его по существу. Готовьте это письмо. Вы меня поняли?

– Поняла, – подавленно ответила Вероника Павловна.

– Чем еще кроме книг и песен о летчиках ваш сын увлекается?

– Он у меня спортсмен. Вторая шпага Москвы среди юниоров. Тренер ему предрекает победы в будущем, если будет систематически заниматься. – В словах Вероники Павловны прозвучали нотки затаенной гордости. Она даже подняла голову и, виновато улыбаясь, смотрела в глаза Калерии.

– Напишите и это в своем письме. Это тоже характеризует сына с хорошей стороны. Возьмите и в школе характеристику. Ведь там о нем плохого ничего не напишут?

– Там напишут только хорошее, он редактор школьной стенгазеты, неплохо рисует, – Вероника Павловна почувствовала, как с души ее постепенно сваливается тяжесть ее вины перед сыном.

Условившись о том, что это письмо она напишет в самое ближайшее время, Вероника Павловна попрощалась с инспектором, и, как это всегда бывает у женщин мягкой души, расстроенная вниманием и состраданием официального лица, которое искренне хочет помочь ей, она вышла из отделения милиции с чувством облегчения и надежды, что страшный день раскрытия лжи может в ее жизни не наступить. И тут же решила: каким бы ни был исход ее ходатайства – она обязательно сделает инспектору Веригиной какой-нибудь приятный для нее подарок, такой, чтобы он не казался взяткой, а всего-навсего был расценен ею как знак благодарности.

Дома Веронику Павловну встретил Валерий вопросом, который он последнюю неделю задавал чуть ли не каждый день:

– Ну как?.. Была в загсе?

– Была, – потерянно ответила Вероника Павловна.

– Ну и что?.. Нашли запись о моем рождении?

– Ищут, сынок... Пока не нашли...

– Это же безобразие! – раздраженно бросил Валерий. – В старых архивах находят записи восемнадцатого века, а я родился всего-навсего шестнадцать лет назад... Москва не горела, как при нашествии Наполеона, в ней не было наводнений, как в Петербурге при Петре Первом, а документы пропали. Если они еще не найдут их дней через десять – я напишу письмо в комитет народного контроля.

– А откуда ты знаешь, что об этом нужно писать в комитет народного контроля? – с испугом спросила Вероника Павловна.

– Мне посоветовал наш историк. Он знает, куда лучше всего надо жаловаться на эти загсы.

– Хорошо, сынок, мы так и сделаем... – вяло проговорила Вероника Павловна. – Если они не найдут через десять дней, мы вместе напишем жалобу в комитет народного контроля. – Мать подошла к сыну, обняла его за плечи и, заглядывая в глаза, ласково проговорила: – Ты не нервничай, сынок, все найдется... Многие документы перепутали, когда загс переезжал из одного здания в другое. А потом, работница, которая занимается архивными записями, сейчас в отпуске, придет через две недели. А временно замещающая ее – неопытная.

– Через две недели?! – вспыхнул Валерий. – А если эта работница заболит или еще что-нибудь с ней случится?! Нет, я больше не могу ждать! Мне скоро будет семнадцать лет! Мне нужен паспорт!.. Через неделю мы едем в Белоруссию. Что я предъявлю администратору гостиницы, когда все ребята положат на стойку перед окошечком свои паспорта?!.. Нет, мама, я уже измучился в этом ожидании. Ведь разговор об этом свидетельстве идет чуть ли не полгода. Вначале ты его искала, а сейчас, когда убедились, что оно куда-то затерялось, ты не можешь взять выписку из архива. Будь настойчивее, сходи на прием к председателю райисполкома, это тоже мне подсказал наш историк. Районные загсы входят в систему исполкомов. – Видя, что мать расстроена, Валерий подошел к ней, положил руку на ее плечо и, склонившись, преданно заглянул ей в глаза, в которых колыхалась такая безысходная тоска, таилась такая вина перед сыном, что она из последних сил крепилась, чтоб не упасть перед ним на колени. И рассказать ему все, что она полчаса назад рассказала инспектору по делам несовершеннолетних. Но оставил последний и крохотный островок надежды, который еще теплился в ее душе. И этим островком могло быть решение комиссии, на которой Калерия Александровна будет стараться отвести от Валерия и матери удар, который им обоим причиняет страдания.

В этот же вечер, засидевшись до глубокой полуночи, Вероника Павловна написала заявление в комиссию по делам несовершеннолетних при райисполкоме и всякий раз, перечитав его дважды и трижды, находила, что оно было казенно сухим, неискренним и, главное, неубедительным и не могущим вызвать у членов комиссии сострадание к ней и жалость к Валерию. Откладывала написанное, брала чистые листы бумаги и начинала все сначала. Повторялись лишь первые строки, в которых она просит комиссию помочь ей в ее тяжелом положении, виновницей которого была по молодости лет она сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.